

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 У моего брата.	8
Глава 2 У али	27
Глава 3 Лорд Бенедикт и поездка на дачу Али.	53
Глава 4 Моё превращение в дервиша.	75
Глава 5 Я в роли слуги-переводчика	90
Глава 6 Мы не доезжаем до К.	104

Глава 7	
Новые друзья	126
Глава 8	
Ещё одно горькое разочарование и отъезд из Москвы	160
Глава 9	
Мы едем в Севастополь	168
Глава 10	
В Севастополе	193
Глава 11	
На пароходе	209
Глава 12	
Буря на море	227
Глава 13	
Незнакомка из каюты 1а	246
Глава 14	
Стоянка в Б. и неожиданные впечатления	269
Глава 15	
Мы плывём в Константинополь	296
Глава 16	
В Константинополе	328
Глава 17	
Начало новой жизни Жанны и князя	348

Глава 18	
Обед у Строгановых	385
Глава 19	
Мы в доме князя	414
Глава 20	
Приезд Ананды и ещё раз музыка.	438
Глава 21	
Моя болезнь, Генри и испытание моей верности.	466
Глава 22	
Неожиданный приезд сэра Уоми и первая встреча его с Анной.	490
Глава 23	
Вечер у Строгановых и разоблачение Браццано.	538
Глава 24	
Наши последние дни в Константинополе	564
Глава 25	
Обед на пароходе. Опять Браццано и Ибрагим. Отъезд капитана.	600
Глава 26	
Последние дни в Константинополе	642

Глава 1

У МОЕГО БРАТА

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далёкой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место или поднимать брошенную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что заставляет меня конфузиться всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Мне было лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану N-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле невиданное; широкие улицы с аллеями из высочайших развесистых и тенистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка не спеша проедет на осле купец на базар; пройдёт группа женщин, укутанных в чёрные паранджи и белые или тёмные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных, от базара находилась далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нём один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в моё распоряжение. Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я любобвал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат сверху донизу были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединённой жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрёстках. В снующей, говорливой толпе, пёстро одетой в разноцветные халаты, я ощущал себя словно оказавшимся в Багдаде, и всё представлял себе, что где-то совсем рядом проходит Аладдин со своей волшебной лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной эмоциональностью, казались мне загадочными и притягательными.

Однажды, бродя рассеянно от магазина к магазину, я вдруг вздрогнул как от удара электрического тока и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно чёрные глаза очень высокого, средних лет человека с густой короткой чёрной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и взгляд его синих, почти фиолетовых глаз также был устремлён на меня. Высокий брюнет

и юноша оба были в белых чалмах и пёстрых шёлковых халатах. Их осанка и манеры существенно отличались от всех окружающих; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я всё стоял как заворожённый, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз. Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролётке и отъезжали от базара. Юноша сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла всё, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть?» — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошёл мимо лавки и наконец решился спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочешь знать, а один высокий чёрный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу. Кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — оуяй, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведёт с Англия.

— Но как же его зовут? — продолжал я.

— Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горишь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.

— Вот как, оба Магометы?

— Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.

— Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтобы выиграть время и узнать ещё что-нибудь о заинтересовавших меня незнакомцах.

— Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

— Да, да, — обрадовался я предложению. — Покажите мне, пожалуйста, халат. Я хочу сделать подарок брату.

— А кто твой брат? Какой ему нравится?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока ещё не видел его.

— Мой брат — капитан Т., — сказал я.

— Капитан Т.? — воскликнул с восточным темпераментом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему ещё?

Я был смущён, но, скрыв своё замешательство, храбро сказал:

— Да он их все раздарил, кажется.

— Вот как! Наверно, друзьям в Петербург посылал. Ха-а-ро-ший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат!

И купец достал из-под прилавка чудесный халат розового тона с серовато-лиловыми матовыми разводами.

— Такой мне не подойдёт, — сказал я.

Купец весело рассмеялся.

— Конечно, не подойдёт; это женская халат. Я тебе дам вот, — синий.

И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат. Халат был несколько пестроват; но тон его, тёплый и мягкий, мог понравиться брату.

— Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю пло-

хо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

— Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал, — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, учёный, — возразил я.

— Ой-я, учёный! Учёный он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой учёный.

— А где живёт Али, вы не знаете?

Купец панибратски хлопнул меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живёшь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесённый высокой кирпичной стеной. Там всегда мёртвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдёт замуж. Если ты сказал, что Али Махмуд красавец, то сестра — ой-я! — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух!

Купец развёл руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть её? Ведь по вашему закону паранджу нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошёл домой. Шёл я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у неё глаза: чёрные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шёл, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Лёвушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы; у него были яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, тёмные брови... Я впервые осознал, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али стал причиной того, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат № 8, который я тебе купил в подарок. А Али № 1, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упрямяца Лёвущку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам всё ещё жива в тебе, — улыбаясь своей открытой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться ещё два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колёс на мягкой немощёной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой ехала простая телега. В ней сидели две закутанные в покрывала женские фигуры и трое детей. Все они утонули в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук.

Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами.

И наконец на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролётка, запряжённая прекрасным вороным конём, и в ней сидели две женщины с закрытыми чёрной паранджой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, в белом, и за ним следом, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али-старшего, почудилось мне, будто пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «Нас обнаружили», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Ещё через мгновение Али-старший подошёл к экипажу... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла по-

крывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущённо улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались тёмные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся к нему на шею девушку и, как ребёнка, понёс её в дом.

Между тем Али-молодой почтительно высаживал всё ещё ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот.

Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролётка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы всё ещё стояли, забыв место и время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясён. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьёзно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно незнакомого мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию.

Я не мог опомниться; всё смотрел на этого чужого, незнакомого мне человека.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул, — от неожиданности не понял даже вопроса, — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-стар-

шего, который, смеясь, протягивал мне руку. Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке побежала тёплая струя энергии.

Я молчал. Мне казалось, что ещё никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки.

Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, всё же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку, — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я точно стоя заснул.

— Ну, пойдём же домой, Лёвушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али.

Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое, с детства знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил.

Сложившаяся с детства привычка видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни,

когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; я так устал, точно прошёл вёрст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдём в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведёт европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, а это целая революция для здешних мест. Много раз ему угрожали всяческими гонениями муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев. Но он всё так же ведёт свою линию. Все до последнего слуги в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются устроить религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновки и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать.

Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость.

Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту; восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко когда восточная хитрость торжествовала над русской проницательностью, обманувший русского солдата восточный торговец зачастую расплачивался за свою нечестность. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика,

такой смешной фарс разыгрывался над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссёр мог бы позавидовать их фантазии.

Надо сказать, что злых шуток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный мной ему халат.

Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шёл к его золотистым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль — «а мне никогда красавцем не бывать».

— Как удачно ты это купил, — сказал брат. — Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно надену его вечером, когда пойдём в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в «туалетную», как важно зовёт денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

— Как, — воскликнул я с удивлением, — разве мы пойдём туда ряжеными?

— Ну зачем же «ряжеными»? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же мы дразнить их европейской одеждой.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нем оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

— Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь халатов, начиная с ситцевого и кончая шёлковым. Кто побогаче, носят три-четыре шёлковых; кто побед-

нее, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько друг на друга.

— Мой Бог, — сказал я, — да ведь в этакую жару, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

— Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна на другую не даёт возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, — сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шёлковых халата. — Очень уж истово, как полагается по здешней традиции, мы одеваться не будем. Но по четыре халата придётся надеть. Я очень тебя прошу, надень и походи; попрыгай. А то, пожалуй, вечером, по своей рассеянности, ты действительно будешь казаться «ряженым» и оконфузишь нас обоих, — продолжал брат, видя, что я всё ещё держу в нерешительности поданные мне халаты в руках.

Не особенно горя желанием облачиться в восточный наряд, но не желая огорчить любимого брата, я быстро разделся и стал натягивать халаты.

— Но они узкие, какие же это халаты? Это какие-то нелепые перчатки, — закричал я, начиная раздражаться.

— Их надо застегнуть, вот здесь крючок, а здесь пуговица, — сказал спокойно брат и лёгкими, гибкими пальцами сам застегнул на мне халаты.

— Теперь, Лёвушка, успокойся и надень этот зелёный халат; он пошире, его тоже надо застегнуть. В нём есть и карманы. А сверху надень ещё вот этот широкий, серый с красными разводами, — и опять очень ловко он помог мне одеться.

— Да, и обувь ещё, — сказал он. — У Али принят полуазиатский туалет, так что и мы с тобой можем явиться в европейских туфлях, но сверх них надо надеть кожаные ка-

лоши, которые оставляются у дверей. Иначе придётся идти в одних чулках. Ни в мечеть, ни в дом не входят в уличной обуви.

Мы выбрали калоши мне по ноге, их тоже оказалось у брата несколько пар.

— Пройдём в спальню, там выберем тебе чалму.

— Как чалму? На кого же я буду похож? Я и так-то красой не блещу! Помилуй, Ни́колушка, иди уж лучше один, — взмолился я.

Брат расхохотался:

— Да ведь ты же не собираешься покорять сердце прелестной племянницы Али? А из твоих приятельниц или приятелей никто тебя не увидит. Чего же тебе огорчаться, если восточный туалет тебя не украсит? Впрочем, — прибавил он, подумав, — если хочешь, я смогу сделать тебя неузнаваемым. Я тебе приклею длинную седую бороду, и ты можешь сойти за важного купца.

— Ещё того чище! — воскликнул я. — Да этак, пожалуй, мне придётся вспомнить, что меня считают неплохим актёром-любителем!

— Если ты сумеешь сегодня сыграть роль хромого старика, ты, пожалуй, увидишь очень интересные и не совсем обычные вещи. Но вот жаль, у меня нет второй белой чалмы, чтобы сделать тебе белый тюрбан.

В эту минуту раздался лёгкий стук в дверь. Брат подошёл к двери, и я услышал его приятно удивлённое восклицание:

— Это вы, Махмуд! Войдите. Я как раз занят нарядом брата к вечеру. Хочу сотворить из него старого купца с седой бородой.

— А я принёс белую чалму и камень. Дядя просит вашего брата принять их как подарок от Наль в день её совершеннолетия, — и он подал мне свёрток и футляр.

— А это вам от Наль, — и он подал брату два свёртка и два футляра.

— Не забудьте, что вам нужно хромать на левую ногу и крепко опираться на палку правой рукой. А левой почаще гладить бороду, если вы хотите сыграть роль старого купца. У меня есть такой знакомый в Б., очень важный человек, — говорил мне Али-молодой. Он улыбался, алые прелестные губы обнажали чудесные зубы, а его фиолетовые глаза пристально — не по летам серьёзно — смотрели на меня.

Кивнув нам головой и приложив, по восточному обычаю, руку ко лбу и сердцу, Али так же бесшумно скрылся, как и вошёл.

Я развернул свой свёрток, и оттуда выпал отрез тончайшей белой материи. Любопытство моё было так сильно, что, даже не подобрав упавшего шёлка, я раскрыл футляр, и у меня вырвалось восклицание восторга и удивления.

Прекрасной работы брошь с крупным выпуклым рубином и несколькими бриллиантами, перевитая змеёй из тёмного золота и жемчуга, сверкала в полутёмной комнате, и я не мог оторвать от неё глаз.

Брат поднял оброненную мною ткань и, рассматривая брошь вместе со мною, сказал:

— Али-старший посылает тебе от имени племянницы белую чалму — эмблему силы; и красный рубин — эмблему любви. Этим он причисляет тебя к своим друзьям.

— А что же он послал тебе? — полюбопытствовал я.

Брат развернул свёрток побольше, и в нём оказался тончайший белый халат из никогда не виданной мною материи, похожей на белую замшу, но по тонкости равной папиросной бумаге. К нему была приложена записка на арабском языке, которую брат спрятал, не читая, в карман. Во втором свёртке была такая же чалма, как моя, только в самом её начале синим шёлком, арабскими буквами, была выткана во

всю ширину чалмы — а она была чрезвычайно широка — какая-то фраза. Я мало обратил внимания и на записку, и на арабскую фразу; мне хотелось скорее увидеть содержимое футляров брата. «Если мне он шлёт привет силы и любви, то что же он посылает Никулушке?» — думал я.

Наконец брат свернул осторожно свою чалму, спрятал её в ящик бюро и открыл футляр побольше. Оттуда сверкнули крупные бриллианты в форме треугольника, внутри которого выпуклый изумруд овальной формы сиял голубовато-зелёным светом. В маленьком футляре оказался перстень с таким же овальным выпуклым изумрудом в простой платиновой оправе.

— Вот так совершеннолетие Наль! — почти закричал я. — Если всем своим друзьям Али рассылает в этот день такие подарки, то уж наверное половину своего виноградника, который так расхваливал мне купец в торговых рядах, он раздаст сегодня. И зачем мужчинам эти брошки? Это чудесные украшения для женщин, но ведь Али знает, что мы с тобой не женаты.

— Этими брошками-булавками мы заколем наши чалмы над самым лбом. Получить такую булавку в подарок — огромная честь; и её далеко не всем оказывают на Востоке, — ответил брат. — Али живёт здесь лет десять; сам он родом откуда-то из глубин Гималаев, и все восточные обычаи гостеприимства и уважения к дружбе чтятся в его доме.

Время быстро летело. Сумерки уже сгушались, и вскоре должна была наступить мгновенно опускающаяся здесь ночь.

— Пора начинать твой грим, а то мы можем оказаться невежливыми и опоздать.

С этими словами брат выдвинул ящик бюро, и... я ещё раз обмер от удивления.

— Ну и ну, — сказал я. — Почему же ты ни разу не писал мне, что играешь в любительских спектаклях?

Весь ящик был полон всяческого грима, бород, усов и даже париков.

— Нельзя же всё написать, а ещё менее возможно всё рассказать в несколько дней, — усмехаясь, ответил брат.

Он посадил меня в кресло и, как заправский гримёр, приклеил мне бороду и усы, протерев предварительно всё лицо какой-то бесцветной жидкостью с очень приятным запахом, освежившей моё горевшее от непривычного солнца лицо.

Коричневым карандашом он провёл слегка под моими глазами два-три лёгких штриха. Какой-то жидкостью перламутрового цвета прикоснулся к моим густым тёмным бровям. Смазал каким-то кремом губы и сказал:

— А теперь чуть-чуть подровняю твои кудри, чтобы чёрные волосы не выбились из-под чалмы. Садись сюда. — И с этими словами он усадил меня на табурет.

Мне, признаться, жаль было моих выющихся волос, которые я справедливо считал единственным своим козырем. Но в жару так приятно иметь коротко остриженную голову, что я сам попросил остричь меня под машинку.

Вскоре голова была острижена, и я хотел встать с табурета.

— Нет, нет, сиди, Лёвушка. Я сейчас обовью твою голову чалмой.

Я остался сидеть, брат развернул чалму, оказавшуюся длиннее, чем я предполагал, беспощадно стал скручивать её жгутом и довольно быстро, ловко, крепко, но без малейшего давления где-либо замотал всю мою голову.

— Голова готова; теперь ноги. Надевай эти длинные чулки и туфли, — сказал он, достав мне из картона в углу белые чулки и довольно простоватые на вид туфли.

Я все это надел и встал на ноги; но сразу почувствовал какую-то неловкость в левой туфле. Невольно я как-то припал на левую ногу, а брат услужливо сунул мне в правую руку палку.

— Теперь ты именно тот немой, глухой и хромой старик, которого тебе надо изобразить, — засмеялся брат.

Я разозлился. От непривычной бороды мне было жарко; жидкость, которой было смазано моё лицо, — вначале такая приятная, — сейчас отвратительно стягивала кожу; ноге было неудобно, и, вдобавок ко всему, я ещё, оказывается, должен считаться немым и глухим.

Со свойственной мне раздражительностью я хотел раскричаться и заявить, что никуда не пойду; и уже приготовился было сорвать бороду и чалму, как дверь беззвучно отворилась, и в ней появилась высоченная фигура Али-старшего.

Взгляд его агатовых глаз положительно парализовал меня. Чалма так плотно прикрывала мне уши, что я ровно ничего не слышал, о чем говорил он с братом.

На нём был надет почти чёрный — так густ был синий цвет — халат; а под ним сверкал другой, ярко-малиновый, плотно прилегавший к телу. На голове белая чалма и большая бриллиантовая брошь, изображавшая павлина с распущенным хвостом...

Приветливо и ласково улыбаясь, он подошёл ко мне с протянутой рукой. Когда я подал ему руку, он пожал её; и опять по всему моему телу пробежал ток теплоты, и на этот раз не сонной лени, а какой-то радости.

Али снял со своего пальца кольцо с красным камнем, на котором был вырезан лев в обрамлении каких-то иероглифов. Наклонившись к самому моему уху, он сказал:

— Это кольцо откроет вам сегодня все двери моего дома, куда бы вы ни захотели пройти. И оно же поможет

вам, если когда-нибудь в жизни вы будете ранены и рана будет кровоточить.

Увлёкшись кольцом, я не заметил, как рядом с Али выросла другая стройная высокая фигура. Я даже не сразу понял, что это именно брат и стоит возле Али в подаренном мной сегодня сине-фиолетовом халате. Я видел стройного восточного человека с сильно загорелым лицом, со светлой бородой и усами, на белой чалме которого сиял треугольник из бриллиантов и изумруда. Мой брат был высок ростом. Но рядом с высоченным Али он казался среднего роста.

— Посмотри на себя в зеркало, Лёвушка. Я уверен, что себя ты не узнаешь ещё в большей мере, чем не узнал меня, — со смехом обратился ко мне брат, очевидно заметив моё полное недоумение.

Я двинулся к зеркалу, совершенно естественно хромя в своей неудобной левой туфле.

— Вы отличный артист, — едва улыбнувшись, сказал Али. Но вся его фигура выражала такой заразительный юмор, что я расхохотался.

Смеясь, я вдруг увидел в зеркале очень смуглого, чуть что не чёрного хромящего старика. Я огляделся по сторонам и вдруг услышал такой взрыв весёлого, раскатистого хохота Али и брата, что невольно обернулся и с удивлением посмотрел на них. Хохот их ещё больше усилился; между тем я случайно ещё раз взглянул в зеркало и снова увидел в нём смуглого араба-старика. С трудом я осознал, что этот чёрный араб — я сам.

Я поднёс руку к глазам, убедился, что не сплю, и спросил брата, почему же я такой чёрный. Как это могло случиться? На мой вопрос он мне ответил:

— Это, Лёвушка, жидкость сделала своё дело. Но не тревожься. Завтра же ты будешь снова бел, ещё белее, чем всег-

да. Другая, такая же приятная жидкость смывает всю черноту с твоего лица.

— А теперь не забудьте, друг, что на весь этот вечер вы хромы, немые и глухи, — сказал, смеясь, Али. С этими словами он поправил на мне чалму, нахлобучив её на мои уши так, что теперь я уж и в самом деле не мог ничего слышать, но понял, что он предлагает мне взять его руку и идти с ним. Я посмотрел на брата, который успел привести комнату в полный порядок, он кивнул мне, и мы вышли на улицу.

Глава 2

У АЛИ

На улице Али шёл впереди, я посередине, и брат мой — сзади.

Моё состояние стало каким-то отупелым от удушливой жары, непривычной одежды, бороды, которую я всё трогал, проверяя, крепко ли она сидит на месте, неудобной левой туфли и тяжёлой палки. В голове было пусто, говорить совсем не хотелось, и я был доволен, что по роли этого вечера я нем и глух. Языка я всё равно не понимаю, и теперь мне ничто не будет мешать наблюдать новую незнакомую жизнь. Мы перешли улицу, миновали ворота, по обыкновению крепко запертые, завернули за угол и через железную калитку, которую открыл и закрыл сам Али, вошли в сад. Я был поражён обилием прекрасных цветов, издававших сильный, но не одуряющий аромат.

По довольно широкой аллее мы направились в глубину сада и подошли к освещённому дому. Окна были открыты настежь, и сквозь них был виден большой длинный зал,

в котором были расставлены небольшие, низкие круглые столики, придвинутые к низким же широким диванам, тянувшимся по обеим сторонам зала. Подле каждого столика стояло ещё по два низких широких пуфа, как бы из двух сложенных крест-накрест огромных подушек. На каждом пуфе — при желании — можно было усесться по-восточному, поджав под себя ноги.

Весь дом освещался электричеством, о котором тогда едва знали и в столицах. Али был активным его пропагандистом, выписал машину из Англии и старался присоединить к своей, довольно мощной, сети своих друзей. Но даже самые близкие его друзья не решались на такое новшество, только один мой брат да два доктора с радостью осветили свои дома электричеством.

Пока мы проходили по аллее, навстречу нам быстро вышел Али-молодой, а за ним Наль в роскошном розовом халате, который я тотчас узнал, с откинутым назад богатейшим покрывалом. Моему взору предстал не виданный мною прежде женский головной убор, затканый жемчугом и камнями; перевитые жемчугом тёмные косы лежали на плечах и спускались почти до полу; улыбающиеся алые губы быстро говорили что-то Али... Я хотел сдвинуть чалму, чтобы услышать голос девушки, но быстрый взгляд Али как бы напомнил мне: «Вы глухи и немы, погладьте бороду».

Я злился, но старался ничем не выказать своего раздражения и медленно стал гладить бороду, радуясь, что я хотя бы не слеп, по виду стар и могу рассматривать красавицу, любуясь ею безо всякой помехи. Девушка не обращала на меня никакого внимания. Но не требовалось быть тонким физиономистом, чтобы понять, как занято её внимание моим братом.

Теперь мы стояли на большой террасе, со всех сторон обвитой незнакомой мне цветущей зеленью. Благодаря яркой

люстре было светло как днём, так, что даже рисунок драгоценного ковра, в котором утопали ноги, был ясно виден.

Девушка?! Среднего роста, тоненькая, гибкая! Крошечные белые ручки с тонкими длинными пальцами держали две большие красные розы, которые она часто нюхала. Но мне казалось, что она старается таким образом скрыть своё замешательство. Её глаза, громадные, миндалевидные зелёные глаза, не похожи были на глаза земного существа. Можно было представить, что где-то, у каких-нибудь высших существ, у ангелов или гениев, могут быть такие глаза. Но с представлением об обыкновенной женщине не вязались ни эти глаза, ни их выражение.

Али предложил мне сесть на мягкий диван, а девушка и Али-молодой сели напротив нас на большом мягком пуфе. Я всё смотрел, не отрываясь, на лицо Наль. И не один я смотрел на это лицо, меняющее своё выражение подобно волне под напором ветра. Глаза всех трёх мужчин были устремлены на неё. И как разное было их выражение!

Молодой Али сверкал своими фиолетовыми глазами, и в них светилась преданность до обожания. Я подумал, что умереть за неё, без колебаний, он готов каждую минуту. Оба были очень похожи. Тот же тонко вырезанный нос, чуть с горбинкой, тот же алый рот и продолговатый овал лица. Но Али — жгучий брюнет, и чувствовалось, что в нём темперамент тигра, что мысль его может быть едкой, а слово и рука ранящими. А в лице Наль все было так мягко и гармонично; все дышало добротой и чистотой, и казалось, что жизнь простого серого дня, с его унынием и скорбями, не для неё. Она не может сказать ни единого горького слова; не может причинить боль; может быть только миром, утешением и радостью тем, кто будет счастлив её встретить.

Дядя смотрел на неё своими пронзающими агатовыми глазами пристально и с такой добротой, какой я никак не

мог в нём предполагать. Глаза его казались бездонными, и из них лились на Наль потоки ласки. Но мне всё чудилось, что за этими потоками любви был глубоко укрыт ураган беспокойства и неуверенности в счастливой судьбе девушки.

Последним я стал наблюдать брата.

Он тоже пристально смотрел на Наль. Брови его снова, — как под деревом, — были слиты в одну прямую линию; глаза от расширенных зрачков стали совсем тёмными. Весь он держался прямо. Казалось, все его чувства и мысли были натянуты, как тетива лука. Огромная воля, из-под власти которой он не мог позволить произвольно вырваться ни одному слову, ни единому движению, точно панцирь облекала его. И я почти физически ощущал железное кольцо этой воли.

Девушка чаще всего взглядывала на него. Казалось, в её представлении нет места мысли, что она женщина, что вокруг неё сидят мужчины. Она, точно ребёнок, выражала все свои чувства прямо, легко и радостно. Несколько раз я уловил взгляд обожания, который она посылала моему брату; но это было опять-таки обожание ребёнка, в котором чистая любовь лишена малейших женских чувств.

Я понял вдруг огромную драму этих двух сердец, разделённых предрассудками воспитания, религии, обычаев...

Али-старший взглянул на меня, и в его, таких добрых сейчас, глазах я увидел мудрость старца, точно он хотел мне сказать: «Видишь, друг, как прекрасна жизнь! Как легко должны бы жить люди, любя друг друга; и как горестно разделяют их предрассудки. И во что выливается религия, зовя к Богу, а на деле разрывая скорбью, мукой и даже смертью жизни любящих людей».

В моём сердце раскрылось вдруг понимание свободы и независимости человека. Мне стало жаль, так глубоко жаль брата и Наль! Я осознал, как безнадежна была бы их борьба

за любовь! И оценил волю брата, не дававшего пробиться ни единому живому слову, но державшегося в рамках почти-тельного рыцарского воспитания в своём разговоре с Наль.

Вначале такая детски весёлая, девушка становилась заметно грустней, и её глаза все чаще смотрели на дядю с мольбой и недоумением. Али-старший взял её ручку в свою длинную, тонкую ладонь и что-то спросил, чего я расслышать не смог. Но из жеста девушки, которым она быстро вырвала свою руку, поднесла розы к зардевшемуся лицу, я понял, что вопрос был о цветке. Али снова ей что-то сказал, и девушка, вся пунцовая, сияя своими огромными зелёными глазами, поднесла одну из роз к губам и сердцу и протянула её моему брату.

— Возьми, — сказал Али так чётко, что я всё расслышал. — В день совершеннолетия женщина нашей страны дарит цветок самому близкому и дорогому другу.

Брат взял цветок и пожал протянувшую его ручку.

Али-молодой вскочил, как тигр, со своего места. Из глаз его буквально посыпались искры. Казалось, что он тут же бросится на брата и задушит его. Али-старший только взглянул на него и провёл указательным пальцем сверху вниз — и Али-молодой сел со вздохом на прежнее место, словно вко-нец обессилев.

Девушка побледнела. Брови её нахмурились, и всё лицо отразило душевную муку, почти физическую боль. Её глаза скорбно смотрели то в глаза дяди, то на опустившего голову двоюродного брата.

Али Мохаммед снова взял её руку, ласково погладил по голове, потом взял руку моего брата, соединил их вместе и сказал:

— Сегодня тебе шестнадцать лет. По восточным понятиям ты уже зрелая женщина. По европейским — ты дитя. По моим же понятиям ты уже взрослый человек и долж-

на вступить в самостоятельную жизнь. Не бывать дикому сговору, который так глупо затеяла твоя тётка. Ты хорошо образованна. Ты поедешь в Париж, там будешь учиться, а когда окончишь медицинский факультет, поедешь со мной в Индию, в моё поместье. Там, работая врачом, ты будешь служить людям лучше, чем в качестве жены здешнего фанатика. Мой и твой друг, капитан Т., не откажет нам в своей рыцарской помощи и поможет тебе бежать отсюда. Обменяйся с ним кольцами, как христиане меняются крестами.

Мне было странно, что, не разбирая ни одного слова девушки, я чётко слышал каждое слово Али. На мизинце брат носил кольцо нашей матери, которой я совсем не помнил. Это было старинное кольцо из золота и синей эмали с крупным алмазом, тонкой, изящной работы.

Ни мгновения не раздумывая, брат снял своё кольцо и надел его на средний палец правой руки Наль. Она же, в свою очередь, сняла с висевшей у пояса цепочки перстень-змею, в открытой пасти которой покоился мутный, бесцветный камень, и надела его на безымянный палец левой руки брата.

Не успел я подумать: «Какой безобразный камень! Такой же урод, как и держащая его в пасти толстая змея», — как вдруг едва не вскрикнул от изумления: камень, похожий на стекляшку, вдруг засверкал всеми цветами радуги. Ни один бриллиант самой чудесной воды и огранки не мог бы бросать таких длинных радужных лучей, сверкавших, как луч солнца, преломлённый в хрустальной пирамиде.

У Али-молодого вырвался из груди стон. И снова взгляд дяди заставил его успокоиться, снова он опустил голову на грудь.

— Это камень жизни, — сказал Али-старший. — Он оживает, принимая в себя электричество из организма че-

ловека. Ты, друг Николай, сейчас в полном расцвете сил и сердце твоё чисто. Вот камень и сверкает ослепительно. Чем старше ты будешь становиться, тем тусклее будут лучи камня, если только мудрость и сила духа не придут к тебе на смену физических сил. Ты отдал моей племяннице самое дорогое, что имел, — любовь матери, закованную в это кольцо. Наль отдала тебе дар мудреца-прадеда, завещавшего ей передать кольцо тому, кого будет любить так сильно и верно, что и на смерть пойдёт за него.

Я нечаянно взглянул на молодого Махмуда. Не цветущий юноша сидел напротив меня, а привидение с прозрачным мертвенным лицом, с тусклыми, ничего не видящими глазами. Я подумал, что он в обмороке и лишь держится в сидячем положении, случайно найдя устойчивую позу.

— Сегодня, — продолжал Али Мохаммед, — должна совершиться та великая перемена в твоей жизни, о которой я тебе говорил месяц назад, моя Наль, и к которой я готовил тебя более пяти лет. Капитан Т. отведёт тебя и двух твоих преданных слуг к себе домой. Али пойдёт с тобой. Там ты найдёшь европейское платье для себя и слуг, переоденешься, отдашь свой халат и покрывало Али, и вместе с капитаном Т. вы все уедете на станцию железной дороги. Али же вернётся сюда. Доверься чести и любви капитана. Он отвезёт тебя в такой город и в такое место, где ты будешь в полной безопасности ждать меня или моего посла. Ни о чём не беспокойся. Храни только верность единственному закону, закону мира и гармонии. Будь мужественна и жди меня без страха и волнений. Раньше или позже, — но я приеду. Повинуйся во всём капитану Т. и не бойся оставаться без него. Если он временно тебя покинет, — значит, так будет необходимо. Но если случится такая необходимость, он оставит тебя под охраной верных друзей. А теперь выйдем в сад все вместе.

Мы вышли в сад. Али-молодой подал мне руку, чтобы помочь сойти со ступенек террасы. Внезапно весь дом погрузился во тьму, где-то перегорели пробки.

Пользуясь полным мраком, брат, Наль, Али и ещё две фигуры тихо вышли из сада через калитку. Али-старший что-то шепнул племяннику, и тот согласно кивнул головой.

В темноте бегали какие-то фигуры, слуги зажгли кое-где свечи, отчего тьма показалась ещё гуще. Так прошло с четверть часа. Мне померещилось, что я увидел снова Наль в том же розовом халате, с опущенным на лицо покрывалом. Как будто даже Али Мохаммед обнял её за плечи; но среди пёстрых впечатлений этого дня я уже не мог отдать себе ясного отчёта ни в чем и подумал, что мне просто привиделся облик той, красота которой точно врезалась в моё сознание.

Между тем свет вдруг ярко вспыхнул, ещё три раза мигнул и погас ровно.

— Настал час съезда гостей, — чётко сказал Али Мохаммед, и я опять его понимал. — Не забудьте — вы хромаете на левую ногу, вы глухи и немы. Вам будут много и почтительно кланяться. Не отвечайте никому на поклоны, только мулле едва кивнёте. Не ешьте ничего с общего стола. Кушайте только то, что вам будет подано с моего. К концу ужина настанет час выхода Наль. Она будет укутана в роскошные покрывала. Всеобщее внимание будет приковано к условному похищению Наль женихом. К вам подойдёт мой друг и проведёт вас к задней калитке сада. Там будет стоять сторож. Вы ему покажете кольцо, что я вам дал, вас выпустят, и вы пройдёте другой дорогой к себе домой. Дома вы найдёте письмо брата. Вы снимете свою одежду, спрячете всё, как вам будет сказано в письме. Придётся вам немало поработать, чтобы привести в порядок дом. Надо, чтобы денщик ничего особенного не обнаружил, когда станет убирать комнаты.

С этими словами Али оставил меня и пошёл навстречу группе гостей; им открыли калитку возле ворот, которой я раньше не заметил. Высокая фигура хозяина выделялась на целую голову над группой гостей в пёстрых одеждах. Некоторым он важно отвечал на поклон, и они проходили дальше. Другие задерживались возле него, и он пожимал им по-европейски руки. Гости все подходили, и вскоре вся аллея и веранда были густо усеяны живописными фигурами. Говор, смех и радостное ожидание вкусного угощения, какие-то, очевидно весёлые, рассказы — всё создавало приподнятое настроение. Но, приглядываясь, я заметил, что гости держатся обособленными кучками. Те, что были одеты не совсем по-азиатски, держались особняком. А остальные все поглядывали на муллу, как музыканты на дирижёра.

Я поневоле пристально присматривался ко всем, думая обнаружить, не заgrimированы ли чьи-либо лица подобно моему, искусственную бороду которого я так важно поглаживал.

Время незаметно шло, гости входили теперь реже, где-то заиграла восточная музыка, и из дома вышло несколько слуг, приглашая гостей в зал.

В самой глубине зала, у дверей в соседнюю комнату стоял Али Мохаммед с ещё не виденным мною очень высоким человеком в белой одежде и такой же чалме. У него была золотистая борода, огромные тёмно-зелёные прекрасные глаза, слегка загорелое лицо. Очень стройный, человек этот был молод, лет 28–30, и бросался в глаза своей незаурядной красотой. Ростом он был чуть ниже Али, но много шире в плечах, необычайно пропорционален, — настоящий средневековый рыцарь. Я невольно представил его себе в одежде Лоэнгринга.

Хозяин приветствовал всех входивших в зал глубоким поклоном. Гости рассаживались на диваны и пуфы, соблю-

дая всё тот же порядок и держась отдельными кучками. Все, входя, оставляли туфли или кожаные калоши у входа, где их подбирали слуги и ставили на полки. Среди гостей не было ни одной женщины.

Я стоял, наблюдая, как проходят и усаживаются гости, и не представлял, куда я могу сесть. Я уже хотел было скрыться в саду, как почувствовал на себе взгляд Али. Он сказал что-то мальчику-слуге, и тот быстро направился ко мне. Почтительно поклонившись, он жестом пригласил меня следовать за собой и повёл к столу, стоявшему неподалёку от стола хозяина.

За этим столом уже сидело двое мужчин средних лет в цветных чалмах и пёстрых халатах. Они сидели по-европейски, обуты были в европейскую обувь, а поверх европейских костюмов на них было надето только по одному шёлковому халату. Они почтительно поклонились мне глубоким восточным поклоном. Я же, помня наставление Али, даже не кивнул им, а просто сел на указанное мне место.

Только когда все гости расселись, Али и высокий красавец заняли свои места. Музыка заиграла ближе и громче, и одновременно слуги стали вносить дымящиеся блюда. Мальчики разносили фарфоровые китайские пиалы и серебряные ложки, подавая их каждому гостю.

Но не все гости накладывали в пиалы жирный, дымящийся плов ложками и использовали их при еде. Большинство запускали руки прямо в общее блюдо, а потом ели плов руками, что вызвало во мне чувство отвращения, близкое к тошноте. Хотелось убежать, хотя никогда прежде не виденная мною толпа представляла собой чрезвычайно интересное зрелище восточных красок и нравов.

На наш стол тоже подали блюдо плова, но я не прикасался к нему, помня наставление Али и ожидая специального кушанья. И действительно, от его стола отделилась высокая

фигура поразившего меня красавца, и он подал мне серебряную пиалу с небольшой золотой ложкой.

Очевидно, честь, оказанная мне, считалась по здешним обычаям очень высокой, потому что на мгновение в зале умолк говор и шум, и вслед за наставшей тишиной пронеслись удивлённые восклицания.

Гости, судя по жестам и мимике, спрашивали друг друга, кто я такой. Многие очень серьёзно поглядывали на меня, что-то говорили своим соседям, и те удовлетворённо кивали головой. Но в это мгновение внесли новые ароматные блюда, и всеобщее внимание отвлеклось от меня.

Я невольно встал перед державшим мою чашу красавцем. Он улыбнулся мне, поставил пиалу на стол и поклонился по-восточному. От его улыбки, от добрых его глаз, от какой-то чистоты, которой веяло от него, меня наполнила такая радость, как будто я увидел старого, верного друга. Я отдал ему глубокий восточный поклон.

Мои соседи по столу задавали мне какие-то вопросы, которых я не понял и не расслышал, а видел только их шевелящиеся губы и вопрошающие глаза. Меня выручил мальчик, сказавший им что-то, показывая на рот и уши. Сотрапезники мои покачали головами и, сострадательно поглядев на меня, с аппетитом принялись за свой плов, слава богу, накладывая его ложками в пиалы. Я поглядел на содержимое моей серебряной пиалы и несказанно удивился. Там, по виду, был компот из фруктов, а у меня уже разыгрался аппетит, и я с удовольствием поел бы чего-нибудь более существенного. Я разочарованно взглянул на Али Мохаммеда, он встретил мой взгляд, как будто зная, что я буду разочарован. В его руках была точно такая же пиала, как моя, он её приподнял, словно желая чокнуться со мной, и ласково улыбнулся. Чтобы не показаться невежливым и невоспитанным гостем, я взял и съел небольшой кусочек неизвестного

мне плода, плавающего в соку, напоминавшем красное вино. И в тот же миг улетучилось всё желание более основательной пищи. Плоды имели чудесный вкус и аромат, вроде ананаса, а сок был бодрящим и прохлаждающим. Я ел с таким удовольствием, что даже перестал наблюдать за происходящим.

А между тем наблюдать было что.

Оба моих соседа сняли свои халаты и пиджаки и остались в одних шёлковых рубашках и широких чёрных поясах, заменявших жилеты. Аналогичный эффект жара возымела и на более европеизированных гостей, сидевших за другими столами.

Правоверные же, обливаясь потом, отирая его рукавами с лоснящихся лиц, усердно ели, нередко пятная свои драгоценные халаты, но никто не снимал ничего из своей одежды. Чувствовалось, что жара и тяжёлые яства доводили гостей до изнеможения. Позы их становились вольнее, голоса громче, затевались споры, нередко сопровождавшиеся размахиванием рук и возбуждением некоторых гостей, что очень напоминало ссоры. Компот, поданный мне красавцем, обладал, очевидно, каким-то волшебным свойством. Мне перестало быть жарко, уже не хотелось содрать с себя чалму, я был бодр и ощущал бодрость во всём теле. Мне казалось, что я могу легко пройти сейчас вёрст десять, словно и не было вовсе утомления и волнений дня. Мысль моя обострилась, я стал внимательно наблюдать за всеми.

Полное спокойствие и самообладание, появившаяся во мне уверенность в самом себе и какая-то новая сила взрослого мужчины, которой я ещё ни разу не испытывал, удивила меня самого. Я вспомнил брата, Наль и Али-молодого. Почему-то у меня не было ни малейшего беспокойства за тех двоих, но Али-молодого я стал беспокойно искать глазами по всему залу. Мне пришла на память фигура Наль

в розовом халате, которую я заметил в темноте сада. Я продолжал искать двоюродного брата Наль, но найти его не мог. Случайно мой взгляд встретился с взглядом хозяина, и я точно прочёл в нём: «Храните самообладание и помните, когда вам уйти и что делать дома». Волна какого-то беспокойства пробежала по мне, точно порыв ветра, заставляющий мигать пламя свечи, — и снова я вернулся к полному самообладанию.

Между тем блюда сменялись много раз, уже были представлены всюду горы фруктов и сладостей. Мои соседи ели сравнительно мало плова, но зато дыни поглощали в несметном количестве, посыпая их перцем.

Снова отделилась от стола Али великолепная фигура золотоволосого красавца, и он подал мне чашу с какими-то другими фруктами, напоминавшими по внешнему виду зёрна риса в меду. Нагнувшись, он незаметно сунул мне в руку записку, опять низко поклонился и отошёл. Я хотел отдать ему поклон, но не смог встать, мне не повиновались ноги. При свойственной мне смешливости, я расхохотался бы во всё горло, если бы щёки не стягивала так сильно борода. Я развернул записку, там было написано по-английски: «Сначала съешьте то, что я вам сейчас принёс. Не пытайтесь встать, пока не съедите этого кушанья. Вам непривычны наши пряные блюда, от них ноги — как от некоторых сортов вин — вам не повинуются. Но через некоторое время, после принятия новой пищи, всё будет в порядке. Не забудьте, в конце пира вам надо уйти, я сам отведу вас к калитке. Когда подыметесь шум, встаньте и немедленно идите к столу хозяина, я вам подам руку, и мы сойдём в сад».

Я не хотел раздумывать над сотней таинственных и непонятных мне вещей. Но стать вновь хозяином своих ног я очень хотел, а потому поторопился съесть содержимое чаши. Было очень похоже на маленькие катышки сладкой

каши в соусе из мёда, вина, ванили и ещё каких-то ароматных вещей. Мои соседи уже давно перестали обращать на меня внимание. Они следили, казалось мне, с возрастающим беспокойством за усиливающимся шумом и возбуждением гостей.

Я попробовал теперь двинуть ногой, привстал, как бы поправляя халат, — ура! Ноги мои вновь тверды и гибки. Шум в зале стал напоминать воскресный гул базарной площади. Кое-где за столиками шли ожесточённые споры, гости размахивали руками и со свойственной Востоку экспрессией выкрикивали визгливыми голосами какие-то слова. Мне показалось, что я уловил «Наль» и «Аллах». Шум в зале всё усиливался. И тут я вспомнил, что мне пора вставать и двигаться к столу Али. Я хотел быстро подняться, но неловкость в левом башмаке сразу же заставила меня образумиться и войти в роль хромого. Я отдал должное уму и наблюдательности брата. Не будь этого неудобного башмака, толстой чалмы и склеивающей движение губ неуклюжей бороды, я бы уже сто раз забыл, что должен играть роль глухого, немого и хромого.

Взглянув на Али, я увидел, что мой красавец уже поднялся и двинулся навстречу. С огромным трудом я вылез из-за стола, оставив свои пиалы и ложку. Заметив моё затруднение, золотоволосый великан в один миг очутился возле меня; а мальчик, подскочив с листом мягкой белой бумаги, в один миг завернул обе мои серебряные чаши и ложку и подал мне их, что-то лопоча с глубоким поклоном. Видя, что я удивлённо смотрю на него и не беру свёрток, он стал почтительно совать мне его в свободную от палки левую руку.

— Возьмите, — услышал я над собой голос. — Таков обычай. Возьмите скорее, чтобы никому не пришло в голову, что вы не знаете местных обычаев. Мальчик так усерд-

но кланяется вам, потому что думает, что вы очень важная персона и недоволенны столь малым подарком в день совершеннолетия. Пойдёмте, пора, — закончил он свою английскую фразу и поддержал меня под левую руку.

Я едва шёл, неудобный башмак так жал мне ногу, что я почти подпрыгивал и, пожалуй, без помощи красавца-гиганта не смог бы сойти с невысокой, но крутой лесенки в сад.

Едва мы сделали несколько шагов по аллее, как во всём доме потух свет. В зале раздался рёв не то радости, не то озорства и негодования. Возле нас мелькнула чья-то тень и набросила на моего провожатого какое-то лёгкое плотное покрывало, которое задело и меня. Мой проводник схватил меня, как малого ребёнка, на руки и бросился в гущу сада. Добежав до калитки, мы столкнулись со сторожем, которому я показал перстень, данный мне Али Мохаммедом, и он беспрекословно пропустил нас на улицу. Мой спутник сказал ему несколько слов, он почтительно поклонился и закрыл калитку.

Мы очутились на пустынной улице. Глаза попривыкли к темноте, из сада нёсся шум, но больше ничего не нарушало ночной тишины. Небо сияло звёздами. Мой спутник опустил меня на землю, снял с меня неудобную туфлю. Наклоняясь ко мне, он стащил с меня и чалму и, пристально глядя мне в глаза, сказал:

— Не теряйте времени. Жизнь вашего брата, Наль и ваша зависит во многом от вас. Если вы в точности выполните всё, как указано в письме, которое лежит на подушке вашего дивана, — всё будет хорошо. Забудьте теперь, что вы были хромы, глухи и немые; но помните всю жизнь, как вы играли роль старика на восточном пире. Будьте здоровы, завтра утром я вас навещу. А сегодня, что бы вы ни услышали, — ни в коем случае не покидайте дом и даже не выходите во двор.

Сказав мне всё это по-английски, он пожал мне руку и исчез во тьме.

Когда я отворял дверь нашего дома, то увидел, что свет в саду Али снова вспыхнул. «Значит, горит и у нас», — подумал я. Обнаружив небольшую полоску света из-под двери кабинета, я пошёл туда и поразился беспорядку, царившему там, при шепетильной аккуратности брата.

Очевидно, здесь несколько человек переодевались. Но я мало обратил внимания на внешний беспорядок. Все мои мысли были заняты судьбой брата. Плотной закрыв дверь, я запер её на ключ, задёрнул на ней тяжёлую портьеру и поправил складки на полу, чтобы свет не проникал в щель.

«Прежде всего, — думал я, — надо прочесть письмо».

Удостоверившись, что ставни на окнах закрыты, синие шторы спущены и плотные портьеры задёрнуты, я прошёл в свою комнату. Здесь у самого дивана горела небольшая лампа. Окна тоже были укрыты плотно, и сильная жара становилась невыносимой. Мне хотелось раздеться, но мысль о письме точно заколдовала меня. Я бросил палку, снял верхний халат, подошёл к дивану и на подушке увидел большой синий конверт, на котором рукой брата было написано: «Завешание».

Я схватил толстый конверт, осторожно его разорвал и вынул из него два письма и записку. Одно из писем было длиннее и имело ту же надпись, сделанную рукой брата: «Лёвушке». На другом незнакомом мне круглым, полудетским, женским почерком было написано: «Другу, Л. Н. Т.»

Я прежде всего развернул записку. Она была коротка, и я жадно её прочёл. «Лёвушка, — писал мне брат, — некогда. Из большого письма ты узнаешь всё. А сейчас не мели. Сними грим с лица и рук жидкостью, что стоит у тебя на столе. Все костюмы, что брошены в комнате, а также всё с себя спрячь в тот шкаф в гардеробной, который я тебе по-

казал сегодня. Туда же спрячь и флакон с жидкостью для грима. Когда закроешь плотно дверцы шкафа, нажми справа в 9-м цветке обоев, считая от пола, совсем незаметную кнопку. Сверху опустится обитая теми же обоями лёгкая стенка и закроет шкаф. Но осмотри внимательно всё, не забудь чего-либо из одежды».

Я мгновенно вспомнил, что провожавший меня покровитель снял с моей головы чалму и сдёрнул с левой ноги туфлю. Я очень обеспокоился, не потерял ли их дорогой. Но, поглядев на свёрток с чашами, сунутый мне мальчиком, я рядом с ним увидел и уродливую туфлю и чалму. Очевидно, мой спутник дал мне всё это в руки, и я машинально держал всё вместе, а войдя в комнату, бросил на стол.

Я достал вату, сначала смочил руки жидкостью из флакона, и они сразу стали снова белыми. Я подумал, что придётся долго возиться с лицом из-за бороды; но ничуть не бывало. Похожая на молоко, приятно пахнущая жидкость сразу сняла всю черноту с лица; борода сразу отстала, мне сделалось легко и даже не так жарко. Я сбросил ещё один халат, оставшуюся туфлю и чулки, надел лёгкие ночные туфли и пошёл убирать комнату брата.

В царившем, как мне показалось вначале, хаотическом беспорядке всё же была какая-то система. Все халаты были собраны в один узел; остальные принадлежности туалета тоже были связаны в узлы.

Оставалось всё унести в гардеробную. Я подумал о денщике, но вспомнил, что он отличался таким богатырским сном, что даже пушечная пальба и та не будила его, как говорил брат. И действительно, едва я вышел в коридор, как могучий храп денщика заставил меня улыбнуться. Мои лёгкие шаги вряд ли могли нарушить его сон. Несколько раз мне пришлось пропутешествовать из кабинета с узлами в гардеробную. Наконец, я убрал всю обувь, оставались

чалмы. Я узнал чалму брата по треугольнику с изумрудом. На туалетном столе лежал и футляр от него. Я хотел было отколоть его и спрятать в футляр, но решил выполнить дословно приказ записки, взял все чалмы, подобрал и футляры и отнёс всё в шкаф. Тут же снял я и всю свою одежду, собрал бороду, палку, чалму, свёрток с чашами и несносную туфлю и всё это бросил тоже в шкаф. Я ещё раз вернулся, внимательно осмотрел все комнаты, нашёл ещё футляр от своей булавки для чалмы и снова отнёс в шкаф.

Ещё и ещё раз я осмотрел внимательно все закоулки в комнате брата и наконец решился нажать кнопку, которую отыскал не без труда в 9-м цветке обоев. Девярых цветков, считая снизу, было много, и наконец на одном из них, отнюдь не самом близком к шкафу, мне удалось найти что-то похожее на кнопку. Сначала ничего не было заметно; я уже стал терять терпение и называть себя ослом, как лёгкий шелест заставил меня поднять глаза. Я едва не подпрыгнул от радости. Медленно поползла сверху стенка и через несколько минут, всё ускоряясь в движении, мягко опустилась на пол. «Волшебство, да и только», — подумалось мне и, действительно, если бы я собственными руками не убрал всё в шкаф, я никогда не мог бы предположить, что комната эта имела когда-нибудь другой вид.

Но раздумывать было некогда, всё виденное и пережитое мною за день слилось в такой сумбур, что я теперь даже неясно отдавал себе отчёт, где кончалась действительность и начинался мир моих фантазий. Я потушил свет в гардеробной, в которой вообще не было окон, запер двери и снова вернулся в кабинет. На полу валялось несколько бумаг, какие-то обрывки писем и газет. Всё это я тщательно собрал, как и куски грязной ваты в своей комнате, бросил в камин и сжёг.

Теперь я мог успокоиться, потушил свет и перешёл в свой «зал». Мне хотелось пить, но жажда прочесть письма

была сильнее физической жажды. Я перечёл ещё раз записку, убедился, что всё по ней выполнил, и сжёг её на спичке.

Мне послышался шум на улице, как будто глухо прокатилось несколько выстрелов, и снова всё смолкло.

Я лёг и начал читать письмо брата. Чем дальше я читал, тем больше поражался; и образ брата Николая вставал передо мною другим, нежели я привык его себе рисовать. Много, много лет прошло с той ночи. Не только я уже в поре старчества, не только нет в живых брата Николая и многих из участников побега Наль, но и вся жизнь вокруг меня изменилась; пришла война, одна, другая, третья, пронеслись тысячи встреч и впечатлений, а письмо брата Николая всё стоит перед моим взором таким, каким я воспринял его всем сознанием в ту далёкую, незабвенную ночь. Вот оно, это письмо:

«Лёвушка!

Письмо это ты прочтёшь тогда, когда настанет час моего большого испытания. Но этот час будет также и твоим огненным часом; и тебе придётся проверить и выказать на деле твою верность и преданность брату-отцу, как ты любил называть меня в исключительные моменты жизни.

Теперь я обращаюсь к тебе как к брату-сыну. Собери всё своё мужество и выкажи честь и бесстрашие, которые я старался в тебе воспитать.

Моя жизнь раскололась надвое. Я — христианин, офицер русской армии — полюбил магометанку. И отлично знаю, что в этой любви не бывает радостному концу. Сеть религиозных, расовых и классовых предрассудков представляет из себя такую стену, о которую может разбиться воля не только одного человека, но и целого войска.

Как я встретил ту, кого люблю? Как познакомился?.. Всё узнаешь, если конец истории не будет печален; вернее,

если будет история, а не простой смертный конец. Сейчас я скажу тебе только самое главное, то, что ты должен будешь сделать для меня, если захочешь отстаивать мою жизнь и счастье».

Дальше следовало — через несколько пустых строчек — более свежими чернилами и более нервным почерком продолжение:

«Ты уже знаешь Али Мохаммеда и молодого Али. Ты увидел Наль. Тебе предстоит разыграть роль гостя на пиру и... быть заподозренным в том, что ты выкрал Наль в тот час, когда её жених должен был, по здешнему обычаю, похитить свою невесту. Если ты не захочешь выдать меня, если ты будешь хорошо играть свою роль, как тебе это укажут Али-старший и его друг, — мы с Наль, может быть, уйдём от грозы и ужаса преследования фанатиков...

Зайди к полковнику N и скажи, что я уехал раньше него на охоту с подвернувшейся оказией и буду поджидать его у знакомого лесника, как всегда. Если же не дождусь его там, то проеду дальше и рассчитываю, что встречу у купца Д. и привезём домой немало дичи; скажи, чтобы N взял с собой лишнее ружье и побольше дрови. Сходи утром, часов в 8, передай все точно и не опоздай.

Дальше во всём доверься Али Мохаммеду. Обнимаю тебя. Не думай о грозящей мне опасности. Но думай, хочешь ли добровольно, легко, просто стать защитой, а может быть, и спасением мне и Наль.

Прощай. Мы или увидимся счастливыми и радостными, или не увидимся вовсе. И в том и в другом случаях будь мужествен, правдив и честен. Твой брат Н.».

Я взглянул на часы. Было уже почти четыре часа утра. Снова мне послышался шум на улице, хлопанье точно па-

стушечьих бичей; показалось даже, будто в ворота дома стучат. Но я помнил наставление моего ночного спутника по дороге домой, потушил свет и стал прислушиваться. По улице быстро прокатилось несколько телег, завопили какие-то голоса, раздалось снова несколько выстрелов; начинались какие-то песни и сейчас же обрывались.

Мне казалось, что на улице происходит какой-то скандал; хотелось выглянуть откуда-нибудь, но я не решался, чтобы не навлечь подозрений на дом брата.

Сна не было ни в одном глазу, усталости также. Я зажёл снова лампу, перечитал ещё раз письмо брата, поцеловал его и взялся за другое.

«Друг и брат, — начиналось оно, — я только маленькая женщина. Ты меня почти не знаешь, и вот из-за незнакомой женщины в твою жизнь врывается опасность.

Брат, Али Мохаммед, мой дядя, воспитавший меня, — лучший человек, какого могла создать жизнь. Если ты захочешь помочь мне избежать ужаса брака с грубым и страшным человеком, фанатиком и другом мутлы, я уверена, что мой дядя будет тебе всегда благодарен. И, в свою очередь, защитит тебя от всех опасностей, которые будут угрожать в жизни тебе.

Что я могу ещё сказать, брат и друг? Я прошу помощи и ничего не могу обещать тебе взамен лично от себя. Мы, женщины Востока, любим лишь однажды, если жизнь позволяет нам любить. Ты — брат, брат-сын того, кого я люблю. Да будет же тебе моя любовь любовью сестры-матери. Останусь ли я жива или погибну, — я для тебя с этой минуты сестра-мать. Отдаю тебе поклон и поцелуй; и пусть всегда останется в твоём сердце чудесный образ твоего брата-отца, а также горячо любящей его и тебя Наль».

Снова послышался на улице шум; казалось, бежит множество ног возле самого дома и грохочут телеги. Я потушил огонь и стал вслушиваться. Где-то, теперь подальше, прогремел опять выстрел; проехала, грохоча, ещё одна тяжёлая телега, — и снова все смолкло. Я чиркнул спичкой и поглядел на часы. Было уже половина шестого, значит, на улице совсем светло; но я всё же не решился открыть окна.

Я зажёл лампу в комнате брата, взял конверты и письма, ещё раз их перечёл, бросил в камин и поджёл.

Как странно горели письма! Вдруг, вспыхнув, почти погасли, отделилось и свернулось письмо брата, и я ясно прочёл слова: «брат-отец». Затем снова всё ярко вспыхнуло, а на письме Наль, точно на белом пятне в кругу огня, появились круглые буквы: «Наль». Ещё раз всё ярко вспыхнуло, превратилось в красные лохмотья и погасло, чтобы уже больше не явиться в нашем мире, как условная серия знаков любви, надежды, опасений, горя и верности.

Долго ли я сидел перед камином, — не знаю. За весь истекший день я не мог отдать себе отчёта во всём происходившем; а эта ночь, какая-то сказочная, фантастическая ночь, расстроила мои нервы окончательно. Я старался, но не мог собрать мыслей. На сердце была такая тяжесть, какой я ещё в жизни не испытывал. «Брат-отец» — всё мысленно, на тысячу ладов шептал я, и слёзы катились из моих глаз. Мне казалось, что я похоронил всё, что имел лучшего в жизни; что я вернулся с кладбища, чтобы начать одинокую жизнь брошенного, никому не нужного существа. Но ни на минуту в сердце моём не возникло страха. Отдать жизнь за брата казалось мне делом таким естественным и простым. Но как защитить его? В чём может выразиться моя, такого неумелого и неопытного, помощь ему? Этого я себе не представлял.

Время шло; я всё сидел без мыслей, без решений, с одною болью в сердце и не мог унять льющихся слёз. Где-то очень

близко пропел петух. Я вздрогнул, взглянул на часы, — было без четверти семь. «Пора», — подумал я.

У меня оставалось времени, только чтобы одеться и идти к полковнику N с поручением брата. Я перешёл в свою комнату, отдёрнул портьеру, чуть приоткрыл ставень. На улице всё было тихо. Я прошёл в умывальную комнату, по дороге увидел денщика, хлопотавшего над самоваром. Я велел ему не спешить с самоваром, так как брат вечером уехал на охоту, а я пойду известить об этом полковника N.

Очевидно, внезапные отъезды на охоту были в привычках брата, ибо денщик мой ничуть не удивился. Он предложил мне сбежать самому к полковнику N, но я отклонил его предложение, сказав, что хочу прогуляться сам. Он растолковал мне ближайший путь садами, и через четверть часа, приведя себя в полный порядок, я вышел через сад на другую улицу. Я шёл быстро, было жарко. День был праздничный, и, проходя мимо базара, я шёл среди оживлённой, густой толпы. Я старался ни о чём не думать, кроме ближайшей задачи: оповестить N, и даже страсть к наблюдениям заснула во мне.

— Здравствуйте, — вдруг услышал я за собою. — Вот как! Вас интересует базар? Я уже минут пять бегу за вами и едва догнал. Очевидно, вы что-то высмотрели и хотите купить? — передо мной, весело улыбаясь, стоял полковник N.

— Да я к вам спешу, — обрадовался я. — Брат просил передать, что он не дождался вас и с подвернувшейся okazji уехал вперёд на охоту.

И я подробно передал всё порученное мне в записке насчёт встречи, ружья и дробы.

— Вот хорошо-то! — весело воскликнул полковник. — А ко мне приехал племянник, страстный охотник; и просит, молит взять его с собой. Места не было бы, если бы я ехал с вашим братом. А теперь я могу его взять. Только выеду не сегодня, а завтра на рассвете.

Разговаривая, мы пересекли базарную площадь, в конце её, у развалин старой мечети, собралась порядочная кучка восточного народа, среди которого я заметил несколько жёлтых халатов и остроконечных шапок с лисьими хвостами монашеского ордена дервишей.

— Да, должно быть, здорово обозлены эти жёлтые на Али Мохаммеда, — сказал полковник.

— Почему? — спросил я. — Что им сделал Али Мохаммед?

— Да разве вы не слышали, что против него собираются поднять религиозное движение? И в эту ночь вот эти жёлтые дервиши, конечно, сами учинили огромную пакость Али. Вы ничего не слыхали? — продолжал спрашивать полковник.

Я внутренне вздрогнул, но спокойно пожал плечами и сказал:

— Что же я мог слышать, если почти единственный мой знакомый здесь вы, и вижу я вас только сейчас; а брат мой уехал вчера вечером.

На это полковник кивнул головой и рассказал мне, что в эту ночь у Али Мохаммеда должно было состояться ритуальное похищение невесты, его племянницы. Что это — часть обряда, заранее обусловленная; что жених едет похищать невесту с толпой своих товарищей, со стрельбой из ружей и прочей инсценировкой дерзновенного похищения; а на самом деле невесту они находят в определённом месте, выведенную из дома старухами, хватают её и мчат во весь опор на хороших конях, стреляя в воздух, в дом жениха.

Мне вспомнились выстрелы и шум телег ночью; и я недоумевал, чем же это разрешилось, кого же увезли вместо Наль. Видя, что я молчу, полковник счёл, что его рассказ меня не занимает.

— Конечно, вам, столичному человеку, не интересны наши дела. Но живя здесь, видя тьму, в которой обретаются

люди, зажатые муллой, поневоле сострадаешь этому чудесному мягкому народу и горячо к сердцу принимаешь борьбу такого прекрасного человека, как Али Мохаммед, с религиозным фанатизмом. Это истинный слуга народа.

Я поспешил заверить полковника, что более чем интересуюсь его рассказом и что рассеянность моя относится к необычной для меня внешней красочности жизни, которой я никогда раньше не видел.

— Да, так вот я и говорю, что они подстроили — вот эти, — кивнул он головой на жёлтые халаты монахов, — самую пакостную историю бедному Али. Они похитили его племянницу, упрятали её куда-то, а его обвиняют в том, что он устроил её побег с помощью какого-то важного хромого старика-купца, которого здесь никто не знает. Словом, факт тот, что ночью во время пира жених и его друзья похитили Наль; а когда примчались домой, то в повозке нашли розовый халат, драгоценное покрывало да пару крошечных туфелек невесты, а самой невесты и след простыл. Оскандаленный жених примчался назад к Али. Весь дом уже спал глубоким сном. Еле добудились Али, послали на женскую половину за старухами. Когда старухам сказали, что невеста сбежала, тётка Наль чуть глаза не выцарапала жениху. Пришлось самому Али унимать старую ведьму. Но, разумеется, они девушку упрятали в надёжное место, чтобы оскорбить Али и объявить против него религиозный поход. Это очень хорошо, что ваш брат вчера вечером уехал. Все, кто был в добрых отношениях с Али, могут оказаться в опасности, так как религиозный поход — это благовидный предлог для сведения личных счётов и убийства всех неугодных почему-либо людей.

Я молча шёл рядом с полковником, погружённый в неведомые думы о брате и Наль, об обоих Али и обо всех грозящих им бедах. Только теперь я сообразил, как велика опас-

ность. Не раз вспоминал я смертельную бледность молодого Али, его муки ревности и подавленное бешенство. Чью сторону примет юноша? Не видел ли кто, куда подевался хро-мой старик с пира?

Мы подходили к дому полковника, он звал меня радушно к себе, но я отговорился головной болью и поспешил домой.

Глава 3

ЛОРД БЕНЕДИКТ И ПОЕЗДКА НА ДАЧУ АЛИ

Я ясно помнил, что красавец-гигант обещал навестить меня днём. Когда я подходил к дому, то увидел денщика, разговаривающего с каким-то разносчиком дынь у калитки сада.

Мне все казалось теперь подозрительным. Я мельком взглянул на дыни и торговца и молча прошёл в сад.

Денщик захлопнул калитку и подбежал с двумя дынями к столу под деревом, где мы с братом обычно пили чай. Положив дыни, он принёс самовар, хлеб, масло, сыр и выжидательно остановился у стола. По всему его поведению было видно, что он хочет что-то мне сказать.

— Налей-ка чаю, — сказал я ему, — дыни ты, кажется, купил хорошие.

— Так точно, — ответил он. — Изволили слыхать? У нашего соседа скандал приключился. Ночью стёкла побили... драка была и стрельба.

— Да разве ты слышал? Я не так крепко сплю, как ты, да и то ничего не слышал, — возразил я ему.

— Так точно, я не слышал сам. Вот торговец мне сказал, да всё спрашивал, где мой барин, был ли ночью дома? Я сказал, на охоту уехавши ещё с вечера. И он всё допытывал, когда, мол, уехал, да куда. Я сказал, часов в пять уехал, как всегда к Ибрагиму.

В эту минуту послышался довольно сильный стук в парадную дверь. Денщик не пошёл в дом, а открыл калитку сада, рядом с дверью. Я двинулся вслед за ним, подумав, что надо бы взять на всякий случай револьвер. Калитка открылась, и в ней обрисовалась громадная фигура, в которой я сразу узнал своего вчерашнего покровителя.

— Простите, я постучал довольно сильно и, вероятно, встревожил этим вас. Но на два звонка мне никто не открыл. Я и решился прибегнуть к стуку, — сказал он на довольно чистом русском языке.

При ярком свете утра красота моего гостя ещё больше поразила меня. Правильные черты лица, безукоризненные зубы, маленькие уши и большие миндалевидные, совершенно изумрудно-зелёные глаза, — всё, при сияющем солнце, было обворожительно. Мой взгляд, полный восхищения, был прикован к нему, к этой обаятельной, такой мужественной и вместе с тем молодой мягкой красоте. Я пригласил моего гостя разделить со мной утренний чай. Он улыбнулся и ответил:

— Моё утро давно уже миновало. Мы, восточные люди, привыкли вставать рано. Я уже и забыл, когда завтракал; но если позволите, с удовольствием разделю вашу трапезу, съем кусочек дыни. Обычай моей родной страны учит, что только в доме врага не едят, а я ваш преданный друг.

— Вот как, — воскликнул я. — До сих пор я думал, что это обычай старой Италии. Теперь буду знать, что это и восточное поверье.

— Я и есть итальянец, и родина моя — Флоренция. Вы не думайте, что все итальянцы — смуглые брюнеты. В Венеции женщины даже полагали неприличным иметь чёрные волосы и красили их в золотистый цвет, что заставляло их немало трудиться, — говорил он смеясь. — Но мои волосы не поддельные, мне не приходится волноваться.

— Да, — сказал я. — Вы так дивно сложены, что рост ваш поражает только тогда, когда видишь рядом с вами обычного человека, который сразу кажется малышом, — сказал я, подавая ему тарелку, нож и вилку для дыни. — Вы простите меня, что я так невежлив и не свожу с вас глаз. В глаза Али Мохаммеда я не в силах смотреть; они меня точно прожигают. Вы же не подавляете, но привлекаете к себе словно магнит. Я хотел бы век быть подле вас и трудиться с вами в каком-то общем деле, — вырвалось у меня восторженно, по-детски.

Он весело засмеялся, стал есть дыню своими прекрасными руками, попросив разрешения обойтись без ножа и вилки.

Только сейчас я увидел, вернее, сообразил, что мой гость одет не по-восточному, как ночью, а в обычный европейский костюм песочного цвета из материи вроде чесучи. Должно быть, моя физиономия отразила моё изумление, так как он мне весело подмигнул и сказал тихо:

— И вида никому не показывайте, что вы меня видели в иной одежде. Ведь и вы сами были в чалме со змеей, хромы, глухи и немы. Разве я не мог, так же как и вы, переодеться для пира?

Я расхохотался. Хотя можно было совершенно спокойно принять моего гостя за англичанина, но... увидев его однажды в чалме и одежде Востока, я не мог уже расстаться с убеждением, что он не европеец.

Точно угадывая мои мысли, он снова сказал:

— Уверяю вас, что я флорентиец. Хотя и очень, очень долго жил на Востоке.

Я снова расхохотался. Желание гостя подурочить меня было так явно! Эта цветущая красота, — ему не могло быть больше двадцати шести-семи лет.

— Скольких же лет вы уехали из Флоренции, если так давно, давно живёте на Востоке? — сказал я. — Ведь вы не многим старше меня. Хотя весь ваш облик и внушает какую-то почтительность, невзирая на вашу молодость. Вчера вы мне показались гораздо старше, а европейский костюм и причёска выдали вас с головой.

— Да, — многозначительно ответил он, глядя на меня с юмором. — Ваш европейский костюм и причёска тоже окончательно выдали вашу молодость.

Я закатился таким смехом, что даже пёс залаял. А гость мой, кончив есть дыню, обмыл руки в струе фонтана и, не переставая улыбаться, предложил мне пройти в комнаты для небольшого, но несколько интимного разговора. Я допил свой чай, и мы прошли к брату.

Мой гость быстро оглядел комнату и, указав мне на пепел в камине, сказал:

— Это нехорошо, отчего же ваш слуга так плохо убирает? В камине какие-то обрывки исписанной бумаги.

Я взял со стола старую газету, подсунул её под оставшиеся в камине клочки бумаги и снова поджёл.

— Я вижу, вы всё тщательно убрали, — продолжал он, осматриваясь по сторонам. — Кстати, откололи ли вы броши с чалмы своей и брата?

— Нет, — сказал я. — В письме брата ничего не было сказано об этом. Я их вместе с чалмами и запер в шкафу. Вернее, похоронил, так как теперь уже не сумею поднять стену, — улыбнулся я.

— Этому делу помочь просто, — возразил мой гость.

Тут вошёл денщик и спросил разрешения пойти на базар. Я дал ему денег и велел купить самых лучших фруктов. Когда он ушёл, закрыв за собой дверь чёрного хода, мы прошли с гостем в гардеробную брата.

— Вы и дверь не закрыли на ключ? — сказал он мне. — А если бы ваш денщик полюбопытствовал заглянуть в гардеробную?

Он покачал головой, а я ещё раз понял, насколько же я рассеянный.

Я зажёл свет, гость мой наклонился и указал на стенке в том же ряду, где я отсчитывал девятый цветок снизу, на четвёртом цветке такую же, еле заметную кнопочку. Нажав её, он выпрямился и остановился в спокойном ожидании.

Как и в тот раз, лишь через несколько минут послышался лёгкий шорох, между полом и стенкой образовалась щель. Движение стенки всё ускорялось, и наконец она вся ушла в потолок.

Я отпёр дверцы шкафа и достал чалмы, непочтительно валявшиеся на дне его. Мой гость ловко отстегнул обе булавки, мгновенно сам нашёл футляры, уложил в них броши и спрятал футляры в свой карман. Потом вынул флакон с жидкостью, который я поставил сюда вчера, и тоже положил его в карман.

— А в туалетном столе вашего брата вы не разбирали вещи? — спросил он меня.

— Нет, — отвечал я. — Я туда не заглядывал, в письме об этом ничего не сказано.

— Давайте-ка посмотрим, нет ли и там чего-либо ценного, что могло бы пригодиться вашему брату или вам впоследствии.

Разговаривая, мы вернулись в комнату. Мысли вихрем носились в моей голове, — почему надо искать ценности? Почему может что-то пригодиться «впоследствии»? Разве

брат мой не вернётся сюда? И что же будет со мною, если он не вернётся? Все эти вопросы точно пылали в моём мозгу, но ни на один из них я не мог себе ответить.

Мне было чудно, что человек, вместе со мной роющийся в ящиках, мне совершенно чужой; а всё же полная уверенность в его чести и доброжелательности, сознание, что он делает именно то, что нужно, и так, как нужно, не нарушались во мне ни на минуту.

Из ящиков гость вынул несколько флаконов, и мы разместили их по своим карманам. Среди всяких коробочек он нашёл плоский серебряный футляр с эмалевым павлином. Распушенный хвост павлина сверкал драгоценными камнями. Это было чудо художественной ювелирной работы. Тут же висел крошечный золотой ключик на тонкой золотой цепочке.

— Ваш брат второпях забыл эту чудесную вещь, которую он получил в подарок и которой очень дорожит. Возьмите её, и, если жизнь будет милостива ко всем нам, — когда-нибудь вы передадите её брату, — проговорил мой чудесный гость, подавая мне футляр с ключиком.

При этом он нежно, ласково коснулся обеими руками моих рук. И такая любовь светилась в его прекрасных глазах, что в моё взбудораженное воображение и взволнованное сердце пришло спокойствие. Я почувствовал уверенность, что всё будет хорошо, что я не один, у меня есть друг.

Мог ли я тогда предполагать, сколько страданий мне придётся пережить? Сколько несчастий свалится на мою бедную голову! И каким созревшим и закалённым человеком стану я через три года, пока не увижу брата и пока в жизни его и моей действительно всё наладится.

Я спрятал в боковой карман заветный футляр, но потом, рассмотрев его ближе, понял, что это записная книжка, записавшаяся на ключ.

Захватив ещё кое-что, что казалось необходимым моему гостю, мы заперли ящики, отнесли всё в гардеробную, плотно задвинули створки шкафа; и тогда я снова нажал кнопку девятого цветка. Вскоре стенка опустилась, мы закрыли дверь гардеробной на ключ и вышли снова в сад.

Здесь гость мой сказал, чтобы я рекомендовал его всем, кто бы нас ни встретил, как своего петербургского друга и то же сообщил о нём денщику. Затем он передал мне приглашение Али провести сегодня день в его загородном доме, куда он уехал с племянником рано утром. Он ни словом не обмолвился о происшествиях минувшей ночи, а я не мог побороть какой-то застенчивости и потому не спрашивал его ни о чём.

Я так был рад не разлучаться с моим новым другом, что охотно согласился поехать к Али. Мы ждали в саду денщика, и обаяние моего гостя всё сильнее привязывало меня к нему. Тоска в сердце и мучительные мысли о брате как-то становились тише рядом с ним. Спустя часа полтора вернулся денщик. Я сказал ему, что поеду за город с моим петербургским товарищем. А сам товарищ прибавил, что, быть может, мы не вернёмся раньше завтрашнего утра, пусть он не тревожится о нас. Денщик плутовато усмехнулся и ответил своё всегдашнее: «Так точно».

Мы вышли через калитку внутри сада, прошли немного по тихой, тонувшей в зелени и пыли улице и свернули в тупичок, кончавшийся большим тенистым садом. Я шёл за моим новым другом, и вдруг мне показалось странным, что я знаком с этим человеком чуть ли не целые сутки, так много пережил личного с ним и подле него — и даже не знаю, как его зовут.

— Послушайте, друг, — сказал я. — Вы велели рекомендовать вас всем как моего близкого петербургского друга. А я не знаю даже, как мне самому вас звать, а не то что представлять кому-то.

Он улыбнулся, взял меня под руку, — хотя я подумал, что ему было бы удобнее положить мне руку на плечо, таким невысоким я был по сравнению с ним, — и тихо сказал мне по-английски:

— Это ничего не значит. Ваши знакомые будут думать, что я и в самом деле английский лорд. А так как лордов они никогда не видели, то мне будет легко играть эту роль. Кстати, у меня есть и монокль, которым я отлично манипулирую.

Он вставил в левый глаз монокль, поджал как-то смешно губы, разделил свою небольшую золотую бороду надвое, — и я прыснул со смеху, до того он был высокомерен, напыщен, а его прекрасное, умное лицо вдруг поглупело.

— Ну, вот видите, как весело, — процедил он сквозь зубы, — я могу изображать высокомерного тупицу не хуже, чем вы — хромого старичка. Представляйте меня лордом Бенедиктом, а сами зовите меня Флорентийцем, как зовут меня свои.

Мы вошли в сад и встретились там с двумя молодыми офицерами, товарищами брата. Они шли к нам и были очень разочарованы, что брат уехал на охоту; я познакомил их с моим петербургским другом, англичанином, лордом Бенедиктом. Лорд высокомерно оглядывал бедных мешковатых поручиков с высоты своего громадного роста. На обращённые к нему вопросы он мямлил сквозь зубы по-английски: «Не понимаю», несколько раз ловко сбросил и поймал бровью свой монокль, чем окончательно сразил тарашивших на него глаза армейцев, никогда не выдавших живого лорда с моноклем, и, наконец, быстро проговорил, что лошади нас ждут и я должен сказать им, что еду в гости за город к его дяде, тоже англичанину.

Мы простились, я ещё слерживал душивший меня смех, но когда услышал пущенное возмущённым тоном вдогонку:

«Ну и барская харя!» — я уже не смог сдержаться, залился вовсю, и мне вторили два раскатыстых баса. Но лорд Бенедикт, как истый англичанин, и бровью не повёл — отчего мне было ещё смешнее.

У ворот сада стояла отличная коляска в английской упряжке. Две поджарые, истинно английские лошади нервничали, и их с трудом сдерживал старый кучер во фраке, гетрах и башмаках светло-коричневого цвета, с английским кнутом в руке, точь-в-точь как на картинках модных журналов.

Я поглядел удивлённо на моего лорда, он отвесил мне лёгкий элегантный поклон и предложил первому занять место в коляске. Я пожал плечами, сел, лорд быстро уселся рядом, сказал что-то кучеру, чего я не понял, и мы помчались.

Довольно скоро мы оказались за городом. Я ещё не видел окрестностей. По обе стороны дороги тянулись виноградники, фруктовые сады, огромные баштаны¹ дынь и арбузов. Нам навстречу непрерывно ехали на ослах люди всех возрастов в чалмах. Нередко на одном осле устраивались сразу двое. Встречались и женщины, укутанные в чёрные паранджи с сетками, тоже иногда сидевшие вдвоём на одном осле. Всё тонуло в пыли и было залито солнцем и зноем; казалось, конца не будет этому обильному плодородию, мимо которого мы катили.

Так ехали мы около часа. Наконец мы свернули с дороги налево и, проехав ещё немного, очутились в степи. Картина сразу резко изменилась, точно мы попали в другое царство. Всё буйство природы, вся зелень осталась позади, а впереди, — насколько мог охватить глаз, — тянулась пустынная степь с выжженной травой. Меня укачали ритмичный бег

---

¹ Баштан — то же, что и бахча. — Прим. ред.

лошадей, мягкое покачивание эластичных рессор и мельканье нагретого воздуха, и я незаметно для себя задремал.

— Мы скоро приедем, — сказал мне мой спутник по-русски.

Я встрепенулся, посмотрел на него и... обмер. Передо мной сидел в чалме и белой одежде мой ночной покровитель.

— Когда же вы успели переодеться? — почти в раздражении воскликнул я.

Он весело рассмеялся, приподнял обитую бархатом скамеечку, и я увидел ящик, в котором лежали халат и тюрбан, в виде уже намотанной чалмы.

— Я оделся, как требует долг восточной вежливости, — сказал мой спутник. — Ведь если мы приедем в европейском платье — Али должен будет подарить нам по халату. Я думаю, вам не очень хотелось бы сейчас принимать подарок от кого-либо, а это халат вашего брата.

— Мне не только был бы несносен восточный подарок, но и вообще я потерял, и думаю, навсегда, вкус к восточному костюму после маскарада и чудес прошлой ночи, — не совсем мягко и вежливо ответил я.

— Бедный мальчик, — сказал Флорентиец и ласково погладил меня по плечу. — Но, видишь ли, друг Лёвушка, иногда человеку суждено созреть сразу. Мужайся. Вглядишься в своё сердце, чей образ живёт там? Будь верен брату-отцу, как он был верен всю жизнь тебе, брату-сыну.

Слова его задели самую глубокую из моих ран, привязанностей и скорбей. Острую тоску разлуки с братом я снова пережил так сильно, что не смог удержать слёз, я точно захлебнулся своим горем.

«Я ведь решил быть помощником брату, — подумал я, — зачем же я думаю о себе. Пойду до конца. Начал маскарад — значит, надо продолжать. Ведь это брат хотел, чтобы я нарядился восточным человеком. Будь по его желанию».

Я проглотил слёзы, вынул тюрбан, надел его на голову и облачился в пёстрый халат поверх своего студенческого кителя. Вдали уже были видны дом, сад, и по обе стороны дороги начинался виноградник. Гроздья винограда зрели и наливались соком, краснея и желтея на солнце.

— Теперь недолго страдать и мучиться в догадках, — сказал Флорентиец. — Али всё расскажет тебе, друг, и ты поймёшь всю серьёзность и опасность создавшегося положения.

Я молча кивнул головой, мне казалось, я достаточно уже всё понимал. На сердце у меня было так тяжело, как будто, выехав за город, я перевернул какую-то лёгкую и радостную страницу своей жизни и ступил в новую полосу гроз и бед.

Мы въехали в ворота, к дому вела длинная аллея гигантских тополей. Как только экипаж остановился и мы оказались в довольно большой передней, к нам быстрой, лёгкой походкой вышел Али Мохаммед. В белой чалме, в тонкой льняной одежде, застёгнутой у горла и падавшей широкими складками до пола, он показался мне не таким худым и гораздо моложавее. Смуглое лицо улыбалось, жгучие глаза смотрели с отеческой добротой. Он шёл, издали протянув мне обе руки. Поддавшись первому впечатлению, измученный беспокойством, я бросился к нему, как будто бы мне было не 20, а 10 лет. Я прильнул к нему с детским доверием, забыв, что надо мужаться перед малознакомым человеком, скрывать свои чувства. Все условные границы были стёрты между нами. Моё сердце прильнуло к его сердцу, и я всем своим существом почувствовал, что нахожусь в доме друга, что отныне у меня есть ещё один друг и родной дом.

Али обнял меня, прижал к себе и ласково сказал:

— Пусть мой дом принесёт тебе мир и помощь. Войди в него не как гость, а как сын, брат и друг.

С этими словами он поцеловал меня в лоб, ещё раз обнял и повернул меня к Али-молодому, стоявшему сзади.

Я помнил, как страдал этот человек, когда Наль отдала моему брату цветок и кольцо. Мог ли я ждать чего-либо, кроме ненависти, от него, ревновавшего свою двоюродную сестру к европейцу?

Но Али-молодой, так же как и его дядя, приветливо протянул мне обе руки. Глаза его смотрели прямо и честно мне в глаза; и ничего, кроме доброжелательства, я в них не прочёл.

— Пойдём, брат, я проведу тебя в твою комнату. Там ты сможешь принять ванну, надеть свежее белье и одежду. Если пожелаешь, переоденься, но прости, европейской одежды у нас здесь нет. Я приготовил тебе наше лёгкое индусское одеяние. Если ты пожелаешь остаться в своём, слуга тебе его вычистит, пока ты будешь купаться.

С этими словами он провёл меня по довольно большому дому и ввёл в прелестную комнату, с выходящими в сад окнами, под которыми росло много цветов.

— Через двадцать минут ударит гонг к обеду, и я зайду за тобой. А за этой дверью ванная комната, — прибавил он.

Он ушёл, а я с наслаждением сбросил свой студенческий китель, которым так гордился, открыл дверь в ванную и, увидев, что ванна полна тёплой воды, с восторгом стал в ней плескаться. Наконец, набросив мягкий купальный халат, вернулся в комнату. Не успел я ещё вытереться хорошенько, как постучали в дверь. Это был слуга, принёсший мне какой-то прохладительный напиток. Я выпил его залпом и почувствовал себя верблюдом в пустыне, так была велика моя жажда, которой я не замечал, пока не начал пить.

Я пробовал говорить со слугой на всех языках, но он не понимал меня, отрицательно качая головой, печально разводя руками. Вдруг он заулыбался во весь рот, что-то бор-

моча, закивал утвердительно головой и побежал к шкафу, вытащил оттуда бельё и белую одежду. Очевидно, он подумал, что я спрашиваю его именно об этом. Я хотел остаться в своём кителе, но у слуги был такой радостный вид, он был так счастлив, думая, что понял, чего мне было надо, что мне не захотелось его огорчать. Я весело рассмеялся, похлопал его по плечу и сказал:

— Да, да, ты угадал.

Он ответил на мой смех ещё более радостными кивками и повторил, как бы желая запомнить:

— Да, да, ты угадал.

Речь его была так смешна, что я по-мальчишески залился смехом и вдруг услышал звук гонга.

— Батюшки, — закричал я, как будто мой слуга мог меня понимать, — да ведь я опоздаю.

Но мой слуга понял всё отлично. Он быстро подал мне трусы и брюки из белого шёлка, длинную рубашку, белый шёлковый нижний халат и ещё одну белую одежду, лёгкую льняную, вроде той, в которую был одет Али Мохаммед. Не успел я залезть во всё это, как раздался стук в дверь и на мой ответ «войдите» появился Али-молодой.

— Ты уже готов, брат, — сказал он. — А я принёс тебе чалму; подумал, что твоя остриженная голова может сгореть под солнцем без неё.

— Да я не сумею её надеть, — ответил я.

— Ну, это один момент. Присядь, я тебе сверну тюрбан.

И действительно, гораздо ловчее, чем это делал брат, он обернул мне голову чалмой. Мне было удобно и легко. На голые ноги я надел белые полотняные туфли без каблука, и мы двинулись с Али Махмудом обедать.

Мы вышли в сад, и в тени необычайно громадного каштана я увидел круглый стол, за которым уже сидели старший Али и Флорентиец. Я извинился за своё опоздание, но хозя-

ин, указав мне место рядом с собой, приветливо улыбнулся и ласково сказал:

— Мы не придерживаемся строгого этикета, когда живём за городом. Если тебе вздумается вообще не выйти к какой-нибудь трапезе, чувствуй себя совершенно свободным и поступай только так, как тебе легче, проще и удобнее. Я буду очень рад, если ты погостишь здесь, отдохнёшь и наберёшься сил для дальнейших трудов. Но если жизнь рассудит иначе, — прими в моём доме всю любовь и помощь и помни обо мне как о преданном тебе навеки друге.

Я поблагодарил, занял указанное мне место и посмотрел на Флорентийца. Он тоже переоделся в белое индусское платье. Снова я поразился этой юной цветущей красоте, в которой, казалось, не было ни одной складки страдания или беспокойства, но было разлито полное счастье жизни. Он тоже поглядел на меня, улыбнулся, вдруг поджал губы, сделал движение левой бровью и веком, и я увидел глупое лицо лорда Бенедикта. Я залился своим мальчишеским смехом, рассмеялись и оба Али.

Стол был сервирован прекрасно, но без всякого шика. Меню было европейское, но ни мяса, ни рыбы, ни вина не было. Я был голоден и ел с удовольствием и суп, и зелень, как-то особенно приготовленную, с превкусными гренками; отдал дань и чудесным фруктам. Я так был занят едой, так отдыхал от всего пережитого, что даже мало наблюдал моих сотрапезников. Подали в чашах прохладительное питье; но оно несколько не было похоже на содержимое той чаши, что мне подал на пиру Флорентиец. Обед кончился, как и начался, без особых разговоров. Старшие говорили тихо на незнакомом мне языке, Али же молодой рассказывал мне о названиях и свойствах цветов, стоявших в овальной фарфоровой китайской вазе посреди стола. Многих цветов я совсем не знал, некоторые видел только на рисунках, но

восхищался всеми. Али обещал мне после обеда показать в оранжерее дяди редкостные экземпляры экзотических цветов, обладавших будто бы замечательными свойствами.

Хотя я ел с хорошим аппетитом, я все же заметил, что Али-молодой ел мало и, казалось, только из вежливости, чтобы я не выделялся среди всех своим аппетитом, но всё же отведал все подававшиеся блюда. Но сколько я ни смотрел на Али-старшего, я ничего, кроме фруктов, мёда и чего-то похожего на молоко, в его руках не видел. Незаметно обед кончился. С самого начала меня несказанно удивила перемена, произошедшая в молодом индусе. Сейчас она казалась мне ещё более разительной. Выражения нетронутой безмятежной юности, ранее бывшего на его лице, как не бывало. Он, должно быть, пережил такое глубокое страдание, что его психика словно сделала скачок в другой мир. И я невольно сравнил наши судьбы и подумал, что ведь и я перешёл черту безмятежного детства и занавес над ним опустился. Начиналась другая жизнь...

Всё время, с того самого момента, как Али Мохаммед обнял меня, я хотел спросить его о брате, — и всё вопрос застывал на моих устах, я не мог решиться задать его. Теперь снова острая тоска по брату резанула меня по сердцу, и я с мольбой взглянул на моего хозяина. Точно поняв мой безмолвный вопрос, Али встал, встали и мы все и поблагодарили его за обед. Он пожал всем руки и, задержав мою в своей руке, сказал:

— Не хочешь ли, друг, пройти со мной к озеру. Оно недалеко, в конце парка.

Я обрадовался возможности поговорить наконец с Али Мохаммедом, и все мы двинулись в глубь сада. Мы с Али-старшим шли впереди. Сначала я слышал за собой шаги Флорентийца и молодого Али. Но вот мы свернули в густую платановую аллею, и нас окружила никем, кроме

птиц и цикад, не нарушаемая тишина. В этой части парка уже не было цветов, но деревья попадались не только необычайно развесистые и с колоссально толстыми стволами, но и с необыкновенной окраской листьев и цветов. Особенно привлекли моё внимание клёны с чёрными листьями и розовые магнолии. Дивные большие цветы, бледно-розового цвета, покрывали магнолии так густо, что они казались гигантскими розовыми яйцами. Аромат был силён, но нежен. Я невольно остановился, вдохнул всеми лёгкими душистый воздух и, забыв все раздражающие меня мысли, воскликнул:

— О, как прекрасна, как дивно прекрасна жизнь!

— Да, мой мальчик, — тихо сказал Али. — Обрати внимание на эти рядом живущие группы деревьев. Чёрные клёны и розовые магнолии, — и всё вместе, будучи таким ярким контрастом, живёт в полной гармонии, не нарушая стройной симфонии Вселенной. Вся жизнь — ряд чёрных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чьё ожерелье жизни было бы соткано из одних только розовых жемчужин. Ты уже не мальчик. Настала и для тебя минута выявить твою честь, мужество, верность.

Мы двинулись дальше; вдали сверкнуло озеро; мы ещё раз свернули в аллею мощных кедров и подошли к беседке, устроенной из плакучего вяза. В ней было тенисто, с озера веяло прохладой. Безмятежность жизни, казалось, ничем не нарушалась здесь. Но слова Али подняли во мне бурю. Мысли мои кипели; я чувствовал, что услышу сейчас что-то роковое, но никак не мог привести себя в равновесие.

— Вчера ночью я спас две жизни, хотя тебе может казаться, что я обрёл их на муки и угрозу смерти. Я давно тружусь, чтобы пробудить самосознание в этом народе, разбить стену фанатизма, пробить тропинку хотя бы к самой начальной

культуре и цивилизации. Я открыл здесь несколько школ, отдельно для мальчиков и мужчин и для девочек и женщин, где бы они могли учиться грамоте на своём и русском языках и самым элементарным основам физики, математики, истории. Все мои начинания встречались и встречаются в штыки; и не только муллами, но и царским правительством. С обеих сторон я слышу революционером, неблагонадёжным человеком. Я говорю тебе это для того, чтобы ты понял, в какое положение попал, и отдал себе точный отчёт в своих дальнейших действиях и поступках. Я заранее тебя предупреждаю: на тебе не висят никакие обязательства, ты совершенно свободен в своём выборе и поведении. И что бы ты ни услышал от меня, — ты сам, добровольно, выберешь свой путь. Сам нанижешь в ожерелье матери-жизни ту жемчужину, цвет и величину которой создашь своим трудом и самоотверженной любовью. Если ты захочешь устранишься от борьбы за брата и Наль, — твой «лорд Бенедикт», — чуть улыбнулся Али, — отвезёт тебя в Петербург, где ты будешь в совершенной безопасности. Если же верность твоя последует за верностью твоего брата, — ты сам определишь те помощь и роль, которые пожелаешь осуществить.

Наль воспитана мною. Только внешняя форма воспитания — на восточный манер — соблюдалась в её жизни, и то весьма не строго. Наль хорошо образованна, и её блестящие способности помогли ей узнать гораздо больше, чем знает любой окончивший европейский университет человек. Пять лет назад я уговорил твоего брата начать заниматься с Наль математикой, химией, физикой и языками, так как частые отлучки из города не позволяли мне самому регулярно заниматься с нею. Отсюда и происхождение тех восточных халатов и накладных бород и усов, которые вы спрятали сегодня с Флорентийцем в гардеробе твоего брата. Тупая матрона, старая мать Али Махмуда, когда-то спасённая мною

от разорения и гибели, оказалась злой и неблагодарной. Она всячески препятствовала общению Наль с другими людьми. Только переодеваясь в другие халаты, мог твой брат проникать как учитель в разных гримах в рабочую комнату Наль. И старая, подслеповатая женщина была уверена, что впускает всё разных учителей. Охраняя Наль во время уроков, она спала и так смешно храпела, что заставляла Наль иногда громко смеяться, но это не будило глухую матрону.

Я представил себе два прекрасных молодых существа, которые учатся под охраной полуслеплого, полуглухого стража, вспомнил почему-то, как сам я разыгрывал роль: «Вы хромы, глухи и немые», — и закатился своим мальчишеским смехом.

Али погладил меня по плечу и продолжал:

— Время шло. Я понял давно, какое чувство возникло между Наль и твоим братом. Было бы бесполезно звать к чести и мудрости твоего брата, он и без того был на высоте их. Я не мешал этому чувству, так как всё равно не видел для Наль иного выхода, нежели побег из этого гнетущего места, и готовился к нему заранее. Старая дурища, тётка Наль, испортила весь мой план. Она завела за моей спиной интриги с муллой и дервишами. Довела дело до сговора о браке несчастной Наль с самым оголтелым и злым из всех религиозных фанатиков, каких я здесь знаю. И теперь готовится объявление религиозного похода против меня, ведь я не давал согласия на этот брак и покровительствовал христианам. Не буду утруждать тебя подробностями, — ты сам видел, что избежать сговора не удалось.

В тот миг, когда Флорентиец тебя вывел из сада, на женской половине тоже шёл пир. Там всё было подготовлено к законному похищению невесты. Роль невесты играл Али, мой племянник, пробравшийся в темноте в одежде Наль на женскую половину и успевший сесть на место невесты, пока

продолжался беспорядок с освещением. Темнота немного дольше длилась на женской половине. Всё совершилось честь честью. Невеста была выведена старухами в сад и там, переданная из рук в руки, «похищена» женихом. С выстрелами, шумом и гамом, как полагается по обряду для знатного купеческого дома, было совершено похищение. По дороге приключилась какая-то заминка с одной из лошадей. И пока все участники этого действия с факелами и ножами вместе с женихом поправляли упряжь, Али сбросил с себя халат, роскошные покрывала и оставил в повозке захваченные с собой туфельки Наль, сам же выпрыгнул бесшумно из телеги — на что он большой мастер — и, скрывшись во тьме, благополучно добрался до моего уже уснувшего дома, где мы его поджидали у калитки вместе с Флорентийцем.

Немало выстрадал Али. Ты не мог не заметить перемены, происшедшей в нём за одну ночь. Он обожал с детства сестрёнку, часто присутствовал вместе с ней на уроках у твоего брата. Наль — его второе «я»; и, пожалуй, это второе «я» ему дороже собственной жизни. Буря ревности, тяжёлый покров предрассудков, мечты об особенной судьбе для Наль и себя, — всё это окутывало Али и должно было или сгореть в нём, или похоронить его под собою. Он никак не ожидал, что первым другом и покровителем в жизни Наль будет не он. Не верил, что я стану на сторону твоего брата и благословлю эту любовь, хотя чистой и прекрасной он признавал её всегда. Уступить Наль другому мужчине, да ещё европейцу, было для него непереносимо, как и позволить ей уйти в опасный путь без себя. Всё произошедшее с ней сначала разбило его. Его спасла беспредельная верность мне, верность и любовь ребёнка, потом юности, от которого у меня не было тайн. Его истинная поглощающая любовь к Наль, заставившая забыть о себе и думать о ней, спасла не одну, а три жизни, которые были

бы прерваны его рукой, если бы верность не победила всё. В эту ночь он добровольно выбрал тропу жизни и надел на нить своего ожерелья чёрную жемчужину отречения, как листья чёрного клёна, чтобы помочь жить женщине, так похожей на розовую магнолию...

Как я уже сказал, не сегодня завтра объявят религиозный поход против меня. Что это означает, я лучше не буду объяснять. Когда, доехав до дома жениха, похитители невесты увидели, что в повозке лежит лишь одна одежда Наль, они мгновенно известили муллу и дервишей и, посоветовавшись с ними, вернулись в мой спавший дом целой толпой с омерзительными криками, оскорблениями и угрозами. Я молча стоял среди этой разъярённой толпы. И наконец, воспользовавшись минутой относительного затишья, велел слугам вызвать старух, которые должны были вывести Наль в сад в условленное место к жениху и его друзьям. Толпа ждала. Казалось, всё вокруг было наэлектризовано токами бешенства. Шли минуты, походившие на часы. Переполох в доме, конечно, давно разбудил всех на женской половине. Вскоре шесть старух во главе со старой тёткой Наль появились перед толпой и встали рядом со мной.

— Эти люди, — сказал я им, — обвиняют вас в том, что вы не Наль вывели в сад, а одну её одежду отдали жениху.

И среди озверелых мужчин и сначала дрожавших от страха, но затем пришедших в бешенство женщин поднялся невообразимый вой. Обе стороны готовы были вцепиться друг в друга. Размахивая руками, вопя какие-то проклятия, старая тётка Наль утверждала, что сама вложила руку Наль в руку жениха. Остальные подтвердили, что видели, как жених взял Наль на руки, и даже заметили, что он был слабоват для того, чтобы нести её. Я посмотрел на жениха, он потупился и сказал, что ему не приходилось носить на руках женщин и что, действительно, Наль показалась

ему тяжелее, чем он предполагал. На мой вопрос, донёс ли он её и посадил ли в телегу, он указал на двух своих товарищей, людей большого роста и редкой силы, и сказал, что сам он едва смог донести Наль до калитки, а там её взял один из его товарищей и донёс до телеги; а в телегу её осторожно положили его рослые друзья. Пришлось мне и их спросить, была ли то Наль или только её одежда, которую они уложили в телегу. Оба утверждали, что несли невесту. Я стал уговаривать их разойтись, чтобы не привлекать к семейному скандалу внимание русских властей. Я читал смертельную ненависть в их глазах и нисколько не сомневался, что если бы не рассвело и они не боялись бы отвечать перед российским судом, — они бы прикончили на месте и меня, и Али, и многих из моих домочадцев и гостей. По местным понятиям, весь позор за этот скандал падал на жениха. Он злобно посмотрел на своих рослых товарищей, какое-то подозрение вдруг мелькнуло в его глазах, и, грубо обругав их, он круто повернулся к ним спиной и быстро побежал к калитке. Остолбев на миг, все его товарищи, мулла и толпа, пришедшая с ними, — все бросились бежать вслед за женихом, натываясь друг на друга, валя кого-то с ног, застревая в узкой калитке. За стеной сада послышалась перебранка жениха с товарищами и муллой, несколько выстрелов, крики. Но калитка захлопнулась, ещё раз послышались крики, шум отъезжающей телеги, конский топот — и всё смолкло.

Старухи были искренне убиты позором и несчастны. Они клялись и божились, что вечером во время пира Наль сидела с подругами за столом, что они сами накинули ей ещё и чёрное покрывало поверх драгоценных уборов, и наперебой рассказывали, как тяжело было жениху нести невесту, как он передал ношу товарищу и тому подобное. Я велел всем идти спать, сказав, что сам буду искать Наль, чтобы

ни в дом, ни из дома в течение суток никто не входил и не выходил.

Сейчас я уже имею известие, что твой брат и Наль едут благополучно в скором поезде в Москву. Но это не значит, что они уже спасены. Пока они не доберутся до Петербурга и не сядут на пароход, отходящий с Невы в Лондон, — нельзя быть уверенным в их безопасности.

— Перейдём теперь к твоей роли, — продолжал Али Мохаммед после короткого раздумья. — Ты невольно запутан в эту историю, как брат Николая, поскольку злой глаз религиозных фанатиков видит врагов во всех друзьях того, против кого объявляют религиозный поход. А друг — это каждый, кто близок или хорошо знаком с настоящими друзьями преследуемого. К тому же дервиши решили, что Наль похитил незнакомый им хромым, глухой и немой старик, присутствовавший на пире, и этот след может привести к тебе, а уж к Флорентийцу непременно.

Ты, повторяю, свободен в своём решении. Ты можешь мне сейчас сказать, что желаешь остаться непричастным к этому делу, — и тогда ты немедленно уедешь в К., — Али назвал крупный торговый город, — с письмом к моему другу, у которого ты проживёшь недели две-три и вернёшься в Петербург. Если же ты хочешь помогать мне бороться за жизнь брата, — придётся сказать своё решительное слово и начать действовать.

Так закончил Али свой разговор со мной.

Глава 4

МОЁ ПРЕВРАЩЕНИЕ В ДЕРВИША

В моём сердце стало как-то ясно и тихо. Я больше ни минуты не тревожился, и даже волнение за судьбу брата перестало меня беспокоить. Присутствие Али, его мощь влили в меня уверенность и энергию.

Чем больше я погружался мыслью в страшную рознь народов, чем ярче представлял себе невежество бедного, неграмотного и почти всегда голодного народа, который даже и религию выбрать себе самостоятельно не может, а попадает с рождения в лапы фанатиков, и который всю жизнь всем рабски повинует, тем яснее становилось мне, что я не могу остаться равнодушным к судьбе хотя и чуждого мне по крови, но, конечно, такого же народа, с красной кровью и страждущим сердцем, как и мой родной, зажатый царской лапой русский народ. И чем больше я думал, какой странной случайностью я оказался связанным сейчас с судьбою чужого народа, вторгшись в самую сердцевину его предрас-

судков, тем сильнее сознавал, что нет случайностей, а есть целая сеть закономерных действий. Что во всей окружающей нас жизни, как и в природе, нет явлений случайных, а царит гармония всегда закономерно и целесообразно действующих сил, связывающих всех людей воедино, как группы чёрных клёнов и розовых магнолий.

Моё спокойствие не то что возрастало с каждой минутой, оно как бы утверждалось, черпая силу в самой глубине моего сердца, которое, казалось, я понял впервые. Видя моё молчание, Али прибавил:

— Не думай, что тебе надо дать ответ сию минуту. Хотя, конечно, временем мы не располагаем; я ожидаю самого быстрого хода событий.

— Мой ответ готов, — сказал я. — Я так глубоко спокоен, решение моё так ясно, что я ещё ни разу за всю свою жизнь не припомню подобного чудесного и необычного состояния духа, подобного мира в себе. Я не только не колеблюсь, но мне даже не представляется возможным пойти другим путём, где бы я мог отделить себя от брата, от вас, от Флорентийца и всех ваших друзей. Ведь если бы мой брат был здесь, — он соединил бы свою жизнь с вашей и пошёл бы за вами, хотя вы индус, и этот народ не является и для вас родным народом. Моё решение не нуждается в обдумывании. Я иду с вами, я верен моему брату-отцу и буду отстаивать всеми силами его жизнь и счастье так же, как и раскрепощение того народа, которому вы так беззаветно и самоотверженно служите.

— Твоё спокойствие, друг, убеждает меня более всяких клятв и обещаний. Вернёмся в дом, там могут быть какие-нибудь новые вести.

С этими словами Али Мохаммед встал, обнял меня и, положив руку мне на голову, заглянул глубоко в мои глаза своими агатовыми бездонными глазами. Трепет какого-то

восторга охватил меня, я точно потерял сознание на миг и пришёл в себя уже в кедровой аллее, по которой мы шли, любуясь сверканием озера на ярком солнце.

Аромат деревьев, пение птиц, треск цикад снова сопровождали нас. Никогда ещё я не чувствовал себя так необычайно. Казалось, все внешние факторы должны были бы подавить мой дух. А на самом деле, впервые среди величавого молчания природы, в обществе этого человека, в котором я чувствовал необычные силу и чистоту, я понял какую-то иную, ещё неведомую мне жизнь сердца. Я ощутил себя единицей этой беспредельной Вселенной, среди которой я жил и дышал; и мне казалось, что нет разницы между мною, солнцем, сверкающей водой и шумящими деревьями, что все мы отдельные ноты той симфонии Вселенной, о которой говорил Али. Я точно прозрел в какую-то глубь вещей, где всё — революции, борьба отдельных людей, борьба страстей целых наций, войны и ужасы стихий, — всё вело человечество к улучшениям, к завоеваниям в коллективном труде великих ценностей равенства и братства, к той гармонии и красоте, где свобода какой-то новой жизни должна дать всем людям возможность отдавать всё лучшее в себе на общее благо и получать то, что нужно каждому для его совершенствования и индивидуального счастья. . .

Я ушёл в свои мысли, какая-то радость наполнила всё моё существо, и я не заметил, как мы подошли к дому и встретились подле него с Али-молодым и Флорентийцем. Обменявшись малозначительными фразами по поводу красоты парка, мы вошли уже вчетвером в дом и уселись на открытой веранде у стола, который был накрыт для чаепития. Жара немного спала, нам подали чай в больших чайниках красивой расцветки и оригинального китайского рисунка. Только успели мы выпить по чашке чая, как вошёл слуга и тихо сказал несколько слов хозяину. Тот извинился перед нами

и вышел. Мы молча остались сидеть за столом. Каждый был погружён в свои думы, никого не стесняло это молчание. Все точно сосредоточились в себе, готовясь, каждый по-своему, к грядущим событиям. Лично я, — как казалось мне, — точно и не жил до сегодняшнего дня. Только сейчас я ощутил свою связь со всеми людьми, знакомыми мне и незнакомыми, далёкими и близкими, и оценивал жизнь по-новому, решая для себя вопрос, что значит свой или чужой и кто же свой, а кто чужой. По свойственной мне рассеянности мне показалось, что прошло очень мало времени; но на самом деле прошло около часа.

Вошёл слуга и сказал Али-молодому, что хозяин просит всех пройти к нему в кабинет. Мы встали, Флорентиец обнял меня за плечи, ласково прижав к себе на минуту, и мы прошли на другую половину дома, которой я ещё не видел.

Через ту же переднюю, в которую мы вошли с Флорентийцем, как только экипаж остановился у подъезда дома, мы попали в большую комнату — кабинет Али Мохаммеда. Мы увидели его за письменным столом, и у стола, в глубоком кресле, обитом ковровой тканью, сидел в жёлтом халате и в остроконечной шапке с лисьим хвостом дервиш. Сюрпризы последних суток, должно быть, так расшатали мои нервы, что я едва не вскрикнул от изумления и растерянности. Я всего ожидал. Но увидеть дервиша в кабинете Али, — этого мои нервы не вынесли; я почувствовал такое раздражение, что готов был броситься на него.

Али-молодой, взглянув на меня и поняв по моему растроенному лицу, что я переживал, шепнул мне:

— Не все, кто одет дервишем, — на самом деле дервиши. Это друг.

Я постарался взять себя в руки, стал пристально разглядывать мнимого дервиша. И ещё раз устыдился своей невыдержанности, отсутствию такта и внимания. Если бы

я начал с того, что посмотрел в лицо этого человека и сосредоточил бы своё внимание на нём, а не на себе, мне не из-за чего было бы раздражаться. То был юноша не старше сидевшего рядом со мною Али Махмуда.

У него были тёмные глаза, мягко, как звёзды, сверкавшие из-под нахлобученной шапки, прелестный нос, продолговатый овал лица и загорелые и огрубевшие, но прекрасной формы руки. Вся его фигура, несмотря на нищенский халат, дышала благородством. Большой ум читался на его лице, так и хотелось сбросить эту тяжёлую и противную шапку, чтобы увидеть лоб, должно быть лоб мыслителя.

Дервиш говорил на непонятном мне языке; и, к стыду своему, я даже не мог определить, что это за язык. Я знал, что мне расскажут, о чём шла речь, и отдался наблюдениям. Флорентиец сидел спиной к окну напротив молодого дервиша, на которого прямо падал свет. Хотя окно было занавешено лёгкой тканью цвета слоновой кости, света было совершенно достаточно, чтобы ни малейшее движение на лице незнакомца не ускользнуло от меня. Поистине, он тоже был красавцем. Выше среднего роста, широкий в плечах, он напоминал мне чем-то неуловимым моего брата. Лицо Али-старшего выражало такую серьёзность, что мне снова вспомнились все грозящие брату беды, и снова острая боль пронзила сердце.

Незнакомец опять заговорил. Его голос, оригинальный, низкий баритональный, как бы металлический, мог бы составить честь любому оперному певцу. Он, очевидно, что-то предлагал. Все молчали, точно обдумывая его предложение, и наконец Али-старший, взглянув на меня, сказал:

— Прости, друг. Ты не понимаешь нашего языка, я вкратце объясню тебе суть дела. Мулла и жених, якобы на основании свидетельских показаний моих гостей, мальчиков-прислужников и взрослых слуг, утверждают, что Наль

была похищена тем гостем на пиру, которому я посылал блюда со своего стола. Они говорят, что это был важный старик, хромой и седой, который вышел из-за стола как раз в тот момент, когда была похищена Наль. Мулла объявил, что здесь замешано колдовство, и обвиняет в нём меня и моего старого гостя; его теперь повсюду ищут. Религиозный поход против меня уже объявлен. Две из построенных мною школ уже сровняли с землёй. И каждой женщине, у которой найдут книги, будет объявлено отлучение. А это хуже смерти в здешних глухих и диких местах. Далее молва утверждает, что кто-то видел, как мой гость спрятался в доме твоего брата. Надо полагать, что дикая орда набросится на дом; может быть, сожжёт его, как и мой. Мне необходимо сейчас же поехать в город, чтобы спасти людей, оставшихся там, от верной гибели. Тебе же, вместе с Флорентийцем, следует отправиться на станцию железной дороги и постараться добраться до Петербурга, чтобы там помочь нашим беглецам. Я не сомневаюсь, что за всеми нами идёт слежка. Царское правительство не вмешивается в религиозные погромы, не видит и не слышит их, пока ему это удобно. Ни тебе, ни твоему брату не уйти живыми, если вас где-либо обнаружат. Всем известна наша дружба, и если схватят тебя, — ты ответишь за всех. Этот друг предлагает тебе переодеться сейчас же в платье дервиша, а Флорентийцу — в обычное платье простого купца и уехать в вагоне третьего класса в Москву. По дороге сами уже будете соображать, как вам лучше спастись, я же буду посылать вам телеграммы до востребования на все узловые станции и оповещать о ходе событий. Не забывай, что тебе надо думать не о себе. Спасая свою жизнь, ты думай только о лишней паре рук и ног для защиты друга, брата-отца. Весь героизм сердца, вся сила мужества должны быть собраны, чтобы не выдать себя в опасные минуты ни одним растерянным взглядом или движением. Смотри

прямо в глаза тем, кто тебе будет казаться подозрительным. Стань снова временно глухонемым и, со свойственным таким людям вниманием, смотри на рот говорящих. Это будет сбивать с толку преследователей. Времени остаётся мало. Али и новый друг помогут тебе переодеться, если ты захочешь принять это предложение. Я же передам Флорентийцу всё нужное для вашего пути и условлюсь о телеграммах.

Он поднялся и вышел вместе с Флорентийцем, а Али-молодой и новый знакомец стали облачать меня в платье дервиша, на что я согласился без колебаний. В довершение всех бед в дело снова пошла бесцветная жидкость. На этот раз уже всё тело, смазанное ею, стало тёмным, а руки, ноги и лицо, покрытые слоем жидкости дважды, стали такими, словно их сожгло солнцем, как-то сморщились, и я стал выглядеть лет на 40. Но теперь я не вздыхал по своей исчезнувшей юности и утраченной белизне. Дело шло уже не о маскараде, а о жизни дорогого мне брата и моей собственной, и я старался запомнить характерные жесты и манеры, которые мне показывал мой новый друг, мнимый дервиш.

Едва я кончил одеваться, как вошёл Флорентиец. Его узнать было невозможно: длинная чёрная борода, голубовато-серая чалма и пёстрый ситцевый халат, подпоясанный платком, на ногах — мягкие чёрные сапоги. Он имел вид средней руки торговца, отправляющегося за товарами. Его лицо и безукоризненные руки не уступали в черноте моим, а ногти и зубы были отвратительно грязны. В прежнее время я бы покатился от хохота; но сейчас я принял всё как должное, оценив его неузнаваемость.

— А шапку к голове вы ему приклеили? — спросил он. — Ведь может случиться, что кто-либо попытается сбить шапку с его головы.

Он достал из своего огромного кармана тёмную ермолку, натянул её мне на голову так туго, что, казалось, сорвать её

можно только вместе с кожей, и поверх, смазав внутреннюю сторону остроконечной шапки клейкой жидкостью, натянул и её на мою несчастную голову. Я едва держался на ногах, так было жарко; голову сжимало, стало тошнить.

Вошёл Али-старший и, очевидно, понял моё состояние. Он вынул из стола коробочку, открыл её и положил мне в рот белую пилюлю. Остальные, закрыв коробку, передал Флорентийцу.

— Лошади ждут по другую сторону озера, вы поедете отсюда, — сказал Али, — времени едва хватит доехать до станции.

Мы двинулись кратчайшим путём к озеру ввосьм с Флорентийцем, простившись наскоро с обоими Али и новым знакомым. Подойдя к озеру, мы сели в лодку. Флорентиец быстро переправил её на другую сторону, и через несколько минут мы увидели быстро приближающуюся к нам простую бричку. Ни словом не обменявшись с возницей, мы сели в неё и покатали по направлению к вокзалу.

Вокзал был в верстах трёх от города, и мы, минуя город, выехали к нему совсем с другой стороны. В нашей бричке мы обнаружили два узла, связанных из ситцевых платков, и два убогих деревянных сундучка. Флорентиец вёл себя так, как будто никогда ничего, кроме ситца, не носил и об элегантных чемоданах понятия не имел. Подъехав к вокзалу, мы соскочили с брички и очутились в густой толпе восточного люда, галдевшего и возбуждённого. На нас не обратили никакого внимания, увидев простых, бедно одетых купца и монаха, а продолжали зорко вглядываться во всех подъезжающих, побогаче одетых.

К нам подошёл старик и предложил помочь нести узлы. Флорентиец передал ему мой узел и сундучок, взял свой под мышку, узел в руку, точно это были пакеты с ватой, сказал что-то старику, и мы двинулись на вокзал. Там поджидал

нас другой старик, он подал Флорентийцу два билета. Едва мы вышли на платформу, как подошёл поезд. Мы разыскали наш вагон третьего класса и уселись на грязной скамье. На полу валялись кожура бананов и корки апельсинов, огрызки дынь и арбузов, куски хлеба и обрывки бумаги.

Едва мы уселись, как на платформе поднялся шум, толпа, через которую мы прошли, ворвалась, галдя, на перрон. Размахивая руками, люди бросились мимо загораживавшего им путь жандарма к вагонам первого класса. Толпа лезла и в международный вагон, куда её не пускали. Начальник станции, жандарм, проводники — все были в один миг разбросаны. Несколько человек всё-таки пролезли в вагон, кого-то разыскивая, крича и перекликаясь.

Перепуганные, ничего не понимавшие немногочисленные пассажиры тоже подняли крик. Жандарм подавал тревожные свистки, и к нему на помощь уже летели со всех сторон носильщики, жандармы и группа вооружённых солдат. Толпа успела обшарить международный вагон, перебралась в первый класс; кое-кому удалось обежать и оба вагона второго класса. Но здесь их настиг жандармский офицер, зычным голосом выстроил солдат в строевой порядок, и восточная толпа мгновенно рассеялась, так и не успев добраться до вагона третьего класса. Убегая со всех ног, проскакивая через вагоны на запасных путях, люди скрылись, точно их не бывало. Впрочем, вероятно, их и не интересовали убогие вагоны; ища самого Али или кого-либо из близких ему, они не могли предположить, что искать следует в грязи и пыли третьего класса.

Поезд всё ещё стоял, хотя время отправления уже истекло. Я обливался потом и не раз вытирал своё лицо большим пёстрым платком, данным мне дервишем, и именно тем жестом, которому он меня обучил. Хотя я и был совершенно уверен, что нас узнать невозможно, но не мог не заметить,

что в глазах моего спутника мелькнуло внезапно какое-то беспокойство.

Я выглянул на перрон и увидел, что к старику, нёсшему наш багаж и теперь стоявшему в дверях вокзала, подошёл мулла. Но как раз в эту минуту начальник станции махнул рукой, раздался оглушительный третий звонок, обер-кондуктор свистнул, в ответ раздался свисток паровоза и наконец мы двинулись.

Не успели мы отъехать, как в наш вагон с противоположной стороны перрона впрыгнул, как кошка, молодой сарт². Он часто и трудно дышал, очевидно, очень быстро бежал. Войдя в вагон, он не сел, а шлёпнулся рядом с нами. Я подумал, что он вот-вот упадёт в обморок.

Поглядев на него, Флорентиец покачал головой и обратился к двум старым сартам, сидевшим в глубине вагона. Речи его я не понял, но один из стариков встал и подал запыхавшемуся сарту воды в кувшине из тыквы. Тот выпил её жадно, но всё не мог прийти в себя. Наконец он несколько поуспокоился и спросил Флорентийца, сидевшего с ним рядом и почти закрывавшего собою мою небольшую фигуру, не заметил ли он кого-либо, кто садился в поезд на этой станции.

— Как не заметить? Я сам садился, мой племянник садился, да ты садился, — ответил ему, смеясь, мой друг. — Нет, впрочем, ты не садился, ты прыгнул, — прибавил он, и в вагоне рассмеялись.

Молодой сарт уже совсем пришёл в себя.

---

² Сарты — общее название оседлого населения Средней Азии, существовавшее вплоть до 1917 года; полагают, что так называли в основном оседлых узбеков и таджиков. — *Прим. ред.*

— От кого ты так убегаешь? Тебя преследуют царские власти? — спросил его Флорентиец.

— Нет, — ответил он, — я догонял поезд, чтобы передать одному нашему купцу письмо, очень для него важное. Мне сказали, что непременно он или его племянник едут в этом вагоне.

И он встал с места, обошёл вагон, поблагодарил старика, давшего ему воды, и, поговорив с ним, опять вернулся к нам.

— Нет, — сказал он. — Здесь нет ни дяди, ни племянника, которых я ищу, а в вагонах первого класса нет ни их рыжего друга, ни хромого старика. Придётся мне на повороте прыгнуть и караулить следующий поезд.

Флорентиец важно покачал головой, выказывая сочувствие к его неудавшейся миссии и желанию прыгнуть с поезда на ходу. Молодой сарт объяснял Флорентийцу и столпившейся вокруг нас кучке любопытных, что купец, которого он искал, — его благодетель, и если кто-либо скажет ему, кто сел на этой станции в поезд, кроме нас с Флорентийцем, то он сам и богатый купец-благодетель отблагодарят его.

Один из стариков сказал, что видел, как в последний вагон сели две женщины и молодой человек. Лицо сарта зажглось, точно факел сверкнул и отразил своё пламя в его глазах; он растолкал окружавшую нас кучку пассажиров и стремглав бросился в соседний вагон.

Прошло минут двадцать, он снова возвратился к нам; довольно постное выражение его физиономии говорило без слов, чем завершились его поиски. Его вторичное появление никого уже не заинтересовало; кое-кто из пассажиров стал готовиться к выходу на ближайшей станции.

Сарт снова сел возле Флорентийца и стал шептать ему что-то на ухо, опасаясь, чтобы я не услышал его слов, но Флорентиец успокоил его, показав ему на мои уши. Всё же

раза два ещё он взглянул на меня подозрительно, но заметив, что я пристально гляжу на его рот, отвернулся и успокоился. Подумав, что толку от моих наблюдений всё равно мало, я решил тоже отвернуться и стал смотреть в окно.

Поезд шёл быстро, очевидно, машинист решил нагнать опоздание. Сколько мог охватить глаз — всё шла безводная, голая степь. Ни деревца, ни кустика, ни жилья. Я невольно думал о трудной жизни народа, который выращивает чудесные фрукты, богатейшие виноградники и пышные цветы, искусственно орошая землю. Между тем поезд стал заметно замедлять ход. Мы огибали глубокий овраг, на дне которого сверкала маленькая струя воды. Очевидно, здесь снова начиналась сеть арыков, отчего вся местность резко изменилась. Замелькали сады кишлаков, стали попадаться гигантские фиговые, ореховые и каштановые деревья.

Поезд ещё немного замедлил ход, и вдруг я увидел сарта: артистически рассчитав свой прыжок, он исчез в глубоком овраге. Надо сказать, исчез он вовремя. Не успел я повернуться к Флорентийцу, как открылась дверь вагона и вошли два кондуктора, спрашивая билеты. Флорентиец подал наши билеты, сходявшие на следующей станции отдали свои, кондукторы прошли дальше, и я надеялся, что Флорентиец мне теперь расскажет, о чём шептал ему сарт. Но он незаметно приложил палец к губам и дал мне прочесть записку, которую держал в руках.

Это был текст телеграммы до востребования, написанной по-русски в город С. купцу К., с извещением, что купец А. живёт, — дальше стояло многоточие. Я не понял, о чём эта записка в руках Флорентийца, хотя и сообразил, что дал ему её выпрыгнувший из вагона сарт.

Через четверть часа мы остановились у следующей станции, но никто не сел в наш вагон. Флорентиец вынул из своего узла две книги, передал одну мне. Его книга была

написана на арабском языке, а та, что оказалась у меня, на-поминала толстый затрёпанный молитвенник, и шрифт её был так же мне понятен, как и страница того гигантского Корана, который показывал мне брат в одной из мечетей го-рода.

Я улыбнулся и подивился тонкой наблюдательности того, кто собирал нас в путь. Какая же ещё книга могла быть в ру-ках у дервиша, как не потрёпанный, выдавший виды в бес-конечных странствиях бездомного монаха молитвенник. Какой-то богобоязненный старик принёс мне дыню и кусок хлеба, другой протянул два куска сахара. Я ещё раз мыслен-но поблагодарил человека, отдавшего мне свою одежду дер-виша, за преподанный урок поведения, приличествующего монаху. Флорентиец объяснял всем, что я глух, но святой жизни, и мои молитвы хорошо доходят до Бога. Я же, опу-стив глаза долу, прикладывал руку к груди и несколько раз кивал головой, не глядя на тех, от кого получал подаяние. Кое-кто, услышав, что я святой жизни и хорошо привечен Богом, давал мне даже деньги.

Так ехали мы до самого вечера, и снова сразу настала ночь. В вагоне всё утихло. Флорентиец подложил мне под голову мой узел, оказавшийся мягким, заставил лечь, а сам сел у моих ног. Не знаю, долго ли я спал, но проснулся я от того, что кто-то сильно меня тряс. Я никак не мог проснуть-ся, хотя сознавал, что меня будят. Наконец чьи-то сильные руки поставили меня на пол, и я почувствовал резкий запах нашатыря. Я чихнул и окончательно проснулся. Флорен-тиец стоял рядом со мною, оба сундучка наши были свя-заны и перекинута через его плечо, один узел он держал под мышкой, тот, на котором я спал, он взял в руку, другой показал на дверь и подтолкнул меня к ней.

В вагоне было почти совсем темно. Кое-где свечи в фона-рях уже догорали, да и висели фонари очень редко и высо-

ко. Спросонья я плохо соображал, но двинулся к двери. Мне представилось, что мы будем прыгать, как сарт, с поезда, который, кстати сказать, мчался опять на всех парах; и я приходил в ужас от своего мешковатого платья, длинного, неудобного, стеснявшего мои движения. Ни с чем логически не связанная, вдруг мелькнула мысль, что и шапку-то мне приклеили к голове, чтобы она не свалилась во время прыжка.

Мы бесшумно вышли на площадку вагона, и я взялся за наружную дверь, чтобы её открыть.

— Рано ещё, — сказал мне тихо, в самое ухо, Флорентиец.

— Так мы на всём ходу и будем прыгать? — спросил я его так же тихо.

— Прыгать? Зачем прыгать? — сказал он смеясь. — Мы подъезжаем к большому городу, где живёт мой друг. Сойдём на станции, возьмём извозчика и поедем к нему. Но пока я тебе не скажу, сохраняй полное внешнее безразличие дервиша и, кто бы ни обратился к тебе с вопросом, показывай на уши. Поезд замедляет ход. Сходи первым и подай мне руку. И ни на одну минуту не отходи от меня ни на станции, ни в доме моего друга, куда мы приедем. Так и держись, либо за мою руку, либо за пояс, как если бы ты был слепым и не мог передвигаться без моей помощи.

Поезд подходил к перрону скудно освещённой станции. Вокруг царила ночь, и казалось, что на станции всё замерло. Мелькнула красная фуражка дежурного, за нею рослая фигура жандарма, — и поезд остановился. Мы сошли с перрона, прошли через полупустой зал третьего класса и вышли на крыльцо. Здесь к Флорентийцу подошёл какой-то сарт и предложил довести до ближайшего кишлака. Флорентиец объяснил ему, что нам нужно в город, в торговые ряды. Сарт обрадовался; ему было как раз по пути, и он думал, что ночью сможет сорвать с нас хороший куш. Не тут-то было.

Флорентиец начал яростно торговаться, как истый восточный купец. Он так и сыпал горохом слова, закатывал глаза и разводил руками вместе с возницей. Оба они горланили минут десять, наконец сарт вздохнул, закатил глаза и воззвал к Аллаху. Только этого, казалось, и ждал Флорентиец. Сложив руки и также воззвав к Аллаху, он выдвинул меня вперёд, и возница увидел перед собою дервиша. Он моментально утих, поклонился мне и позвал нас к стоявшей тут же телеге. Мы взгромоздились на неё и поехали в город, который был в двух верстах от станции.

Глава 5

Я В РОЛИ СЛУГИ-ПЕРЕВОДЧИКА

Мы ехали, храня полное молчание. Возница пытался было задавать вопросы Флорентийцу, но получая односложные ответы, произнесённые сонным голосом, решил, что мы устали, должно быть, от долгого пути, и перенёс своё внимание на лошадь. Лошадка трусила по мягкой дороге. Тьма освещалась только мерцающими звёздами, и мысли мои, точно замёрзшие во время моего тяжёлого сна в вагоне, вновь зашевелились.

Мне ещё не приходилось слушать молчание ночи в степи. Снова — как и в парке Али — меня охватило чувство преклонения перед величием природы. Я смотрел на усыпанное звёздами небо и разглядел впервые многие созвездия, о которых до сих пор только читал или слышал. Звёзды не походили на наши северные. Они казались гораздо крупнее, мерцая, точно лампы, и я наконец увидел воочию тот дрожащий свет звёзд, о котором пишут поэты. Даже небо

показалось мне более низким. Прорезанное широкой полосой Млечного Пути, оно сверкало контрастами полной тьмы и света.

Я вернулся мыслями к Али Мохаммеду. Опять меня пронзила радость от встречи с ним и мысль о красоте и гармонии природы, — я подумал о мощи любви и счастья, которыми щедро одаряет природа человека; о тех великих скорбях и слезах, которыми наполняет мир сам человек, неизменно оправдывая свои действия именем великого Творца; и будто бы в защиту Его отравляя мир жестокостью своего фанатизма.

Мерный стук копыт и покачивание тележки на мягкой дороге не усыпили меня; но внезапно среди ночи я почувствовал себя одиноким, несчастным и беспомощным... Но то было лишь мгновение слабости. Я вспомнил слова Али о том, что настало моё время выказать мужество и преданность. И волна бодрости, даже радости, опять поднялась во мне. Я захотел немедленно вступить в борьбу не только за жизнь и счастье любимого брата и Наль, но и за всех, страдающих по вине фанатиков, тех, кто считает свою религию единственной истиной, кто давит всё живое, что рвётся к свободе и знанию, к независимости в жизни... Я прикоснулся к Флорентийцу, благодарно принял к нему и встретил его добрый, ласковый взгляд, который, казалось, говорил мне: «Нет одиночества для тех, кто любит человека и хочет отдать свои силы борьбе за его счастье».

Мы уже въезжали в город. Окраины его напоминали сплошной сад, но и центр города оказался таким же. Ночь была уже не так темна, в кольце зелёных улиц вырисовывался гигантский силуэт мечети, показались торговые ряды. Флорентиец приказал вознице остановиться, мы сошли, рассчитались с ним и отправились вдоль рядов, коегде охраняемых ночными сторожами. Раза два мы свернули в тихие

спавшие улицы и наконец остановились у небольшого дома с садом. На стук Флорентийца не сразу открылась калитка, и дворник удивлённо оглядел нас. Флорентиец спросил его по-русски, дома ли хозяин. Оказалось, хозяин только что вернулся домой и даже ещё не ужинал, хотя сказал, что очень голоден.

Флорентиец попросил передать хозяину, что нас прислал лорд Бенедикт и мы просим принять нас, если можно, тотчас же. Монета, скользнувшая незаметно в руку дворника, сделала его намного любезнее. Он впустил нас в сад и побежал доложить о нас хозяину. Мы остались одни. Пока мы ожидали в темноте сада, Флорентиец осторожно просунул палец под мою ватную шапочку и ловко стащил её с меня; почти мгновенно оторвав её от дервишской шапки, он снова надел шапку мне на голову. То, что я почувствовал, когда освободился от ватного бинта на голове, не поддаётся описанию. Я хотел громко закричать от радости, но опасаясь выдать себя, промолчал, раза два всё же подпрыгнув на месте.

— Какой там Лордиктов? Вечно всё перепутаешь! — донёсся до нас голос.

Я было подумал, что где-то уже слышал этот особенный голос, но не мог себе уяснить, где и когда.

— Помни же, ты всё ещё глух, пока не скажу, — шепнул Флорентиец.

Дворник вернулся и пригласил нас подняться на веранду. Мы пошли за ним и увидели, что на веранде горит свет. Но зелень — вся в крупных, висящих как гроздья цветах — сплеталась в такой густой покров, что света из сада не было видно. Мы поднялись на веранду. Слуга, почти мальчик, хлопотал у стола, внося накрытые тарелками блюда, фрукты.

Флорентиец сложил наши вещи в углу, и мы сели на деревянный диванчик. Слуга несколько раз входил и выходил,

каждый раз весьма недружелюбно, даже презрительно поглядывая на нас. Наконец он сказал Флорентийцу довольно небрежно, что хозяин ждёт нас в кабинете. Оставив рядом с вещами наши кожаные калоши, мы прошли в большую комнату, соединённую коридором с террасой. В комнате стояли рояль, мягкая мебель, но пол был голым, в противоположность дому Али, где ноги, куда ни ступи, утопали в коврах.

Мы пересекли комнату и подошли к закрытой двери, изпод которой пробивался свет. Тут Флорентиец отстранил слугу, крепко взял меня за руку, как бы напоминая лишний раз, что я глухой, и постучал в дверь особым манером. Дверь быстро отворилась, и... хорошо, что Флорентиец держал меня крепко за руку, не то бы я обязательно забыл обо всём на свете и закричал. Перед нами стоял не кто иной, как тот незнакомец, который дал мне своё платье в кабинете Али. Флорентиец низко поклонился хозяину, потянул и меня вниз. Я понял, что должен кланяться ещё ниже, и выпрямился только тогда, когда та же рука-наставница подала мне знак. Флорентиец что-то быстро сказал хозяину, тот кивнул головой, придвинул нам низкие пуфы и приказал слуге что-то, чего я не понял. На физиономии того отразилось сначала огромное удивление, но под взглядом хозяина он почтительно поклонился и бесшумно исчез, закрыв дверь.

Тут только хозяин протянул нам руку, улыбнулся, и взгляд его стал менее строгим. Это прекрасное лицо носило отпечаток усталости и скорби.

— Разве вы не узнали моего голоса? — мягко улыбаясь и держа мою руку в своей, сказал наш хозяин. — А я специально для вас сказал громко несколько слов дворнику, чтобы вы не так удивились. Вы ведь очень музыкальны, это видно по вашему лбу и скулам.

Я хотел было сказать, что запомнил оригинальный тембр его голоса, но никак не ожидал услышать его в этом саду.

Я начал говорить, ощущая страшную усталость, но вдруг всё поплыло перед моими глазами, вся комната завертелась, и я погрузился во тьму...

Долго ли продолжался мой обморок, не знаю. Но очнулся я от приятной свежести в голове и ощущения чего-то прохладного на сердце. Флорентиец подал мне питье, и как только я сделал несколько глотков, заставил проглотить одну из пилюль, данных нам Али Мохаммедом. Очень скоро мне стало лучше, я снова овладел собой и твёрдо сидел на низком стуле. Хозяин быстро писал какое-то письмо. Флорентиец снял с моего сердца и с головы холодные компрессы и шепнул:

— Скоро пойдём отдыхать, мужайся.

Но теперь я готов был ехать дальше; откуда-то появились силы, точно я окунулся в прохладный бассейн.

Окончив письмо, хозяин позвонил и приказал вошедшему слуге немедленно отнести его по адресу и дожидаться ответа. Должно быть, место, куда посылали слугу, ему не очень нравилось. Он хотел что-то возразить, но встретив пристальный строгий взгляд хозяина, низко поклонился и вышел.

Вслед за ним вышли и мы на веранду. Вымыли руки под умывальником. Светлей они, правда, от этого не стали, и я со вздохом подумал, как надоели мне грим, чужой костюм и все приключения, отдающие запахом сказок из «Тысячи и одной ночи».

Усевшись за стол, мы принялись за еду, состоявшую из овощей, фруктов, прохладительных морсов и нескольких сортов хлеба. Все было вкусно, но есть мне не хотелось. Да и старшие мои друзья ели мало.

— Я написал письмо на языке слуги, потому что уверен, что письмо это он и сам прочтёт и мулле отнесёт. Весть об Али и религиозном походе против него уже докатилась сюда. В письме к своему знакомому торговцу я пишу, что

завтра к вечеру мой друг купец придет к нему покупать ослов. Пусть составит он также гурт скота, который может быть куплен моим приятелем. Здешний мулла, прикрываясь именем этого торговца, ведёт крупную торговлю ослами и скотом. Весь день он, конечно, будет занят распоряжениями, куда и как перегнать скот и какую взять цену. Только вечером он займётся делами, связанными с походом на Али. Живёт этот торговец довольно далеко, и у нас есть не меньше трёх часов. Но за это время вам обоим надо переодеться, снова стать европейцами и отправиться назад в К. Там вы пересядете в международный вагон встречного поезда и, надо надеяться, благополучно доедете до Москвы. Не миновать вам опять маскарада, — обратился он ко мне. — Вам придётся стать слугой-гидом лорда Бенедикта, ни слова не знающего по-русски. Теперь ярмарка в К., и вы встретите в поезде иностранцев, направляющихся за каракулем, коврами и хлопком, который они покупают на корню. Присутствие лорда Бенедикта среди иностранцев будет естественно. Кроме того, по вашим следам уже гонятся; кто-то выдал, что вы одеты дервишем. Я верю, что ни на момент в вашем сердце не было и нет страха, но действовать надо не только бесстрашно, но и целесообразно. Пойдёмте в мою спальню. Я постараюсь помочь вам обоим одеться соответственно ролям и умыться.

Уже светало; мы встали из-за стола и прошли в спальню нашего хозяина. Это была чудесная белая комната. Там была очень простая, но изящная мебель, обитая светло-серым шёлком, пушистый светлый ковёр, но... рассматривать было некогда. Отодвинув раздвижную, как в вагоне, дверь, хозяин подошёл к ванне, влил в неё какой-то жидкости, отчего вода точно закипела. И когда вода успокоилась, сказал:

— Весь грим с вашего тела сойдёт. Вы выйдете из воды белым юношей. Здесь мыло, щётки и всё, что вам может понадобиться, — и с этими словами он меня покинул.

Я быстро разделся и погрузился в ванну, с необычайным наслаждением чувствуя, как с меня, точно кожа, слезает вся чернота и грязь пути. Я слышал, как шумели струи текущей воды где-то рядом со мной; это, очевидно, полоскался под душем Флорентиец. Помывшись, я растёр тело купальной простыней и стал думать, во что же мне теперь одеться. Раздался лёгкий стук в дверь, и вошёл Флорентиец. Он тоже был укутан в купальную простыню, весело улыбался, и я снова поддался очарованию этой дивной красоты, обаянию этого любящего, доброго человека, к которому всё сильнее привязывался.

— Пойдём выбирать туалеты, — весело сказал он, и мы двинулись в спальню хозяина.

Я ещё не сказал, каким нашёл я теперь моего мнимого дервиша. Он был в лёгком сером костюме, прекрасно сидевшем на нём, в белой шёлковой рубашке апаш и белых полотняных туфлях. Я не мог его не узнать. Его глаза-звёзды имели какое-то особенное выражение мудрости и огня, ему одному свойственное, как и неповторимый тембр его голоса. Рот с точно вырезанной резцом ваятеля верхней губой говорил об огромном темпераменте. А лоб, высокий, благородный лоб мудреца был так сильно развит в выпуклой надбровной части, что казалось, вся мысль сосредоточивалась именно здесь, как это часто бывает у крупных композиторов.

Пока мы выбирали одежду, наш хозяин рассказывал о своём путешествии и о делах Али. Али поехал к себе, чтобы остаться там и защитить домочадцев или вывезти их куда-нибудь в случае нападения религиозных фанатиков. Но какова судьба Али сейчас, об этом он ничего ещё не знал. Он

сказал нам, что со следующим поездом сам выедет в Петербург, чтобы приготовить нам квартиру и собрать сведения о моём брате. Сказал ещё, что один из мужчин, поехавших с Наль в роли слуги, её старый дядя, человек опытный, верный и очень образованный.

Говоря всё это, он помогал мне надевать костюм юноши-слуги. Это были коричневая куртка с серебряными пуговицами, такие же длинные брюки и кепи с серебряным галуном. Конечно, я не блистал красою, но теперь, расставшись с обличьем черномазого, грязного дервиша, я казался себе просто красавцем. Флорентиец надел костюм из синей чесучи, белую шёлковую сорочку и завязал бантом серый шёлковый галстук. Положительно во всём он был хорош, казалось, лучше быть нельзя. Он беспощадно прилизал свои волнистые волосы, уложив их на пробор ото лба до самой шеи, надел пенсне, — и всё же оставался красавцем.

Время бежало; стало совсем светло. Мы услышали фыркание лошадей, и дворник закричал в окно, что лошади готовы. Хозяин подошёл к окну и сказал тихо дворнику:

— Сходи к соседу; если он уже ушёл в лавку, то беги к нему, туда, в ряды. Напомни, что он обещал доставить сегодня тётке два халата и ковёр. Я же, по дороге на станцию, отвезу моих ночных гостей на скотный рынок. Если они вечером снова захотят ночевать у меня, ты их впусти.

Дворник побежал выполнять поручение, а мы убрали с веранды наши вещи, которые оказались просто бутафорией. Мы бросили пустые сундучки, вынув из них по несколько книг, а узлы, в которых оказались подушки, развязали и сунули платки в шкаф. Через минуту мы вышли. Я нёс лёгкое пальто моего барина, учась играть роль слуги, помог моему господину сесть на заднее сиденье, а сам сел на скамеечку впереди. Хозяин устроился на козлах, подобрал

вожжи, мы выехали из ворот, — я соскочил их закрыть, — и покатали к вокзалу.

Город ещё не просыпался. Кое-где дежурные сарты хлопотали у арыков, так как вода в оросительных системах всё время должна менять направление движения, и за этим строго следят особо приставленные люди, пуская воду по очереди то в Хиву, то в Бухару, то в Самарканд.

Теперь мы ехали быстро, но все же я мог хорошо различать и дома, и сады. Торговые ряды были совсем иные, чем в К. Они не напоминали багдадский рынок, а скорее были похожи на громадные амбары; но стиль их всё же был не европейский. Огромное количество лавок говорило о богатстве города. Я весь ушёл в свои наблюдения. Движение становилось всё оживлённее, и когда мы выехали за город, это зрелище захватило меня своей необычайной красочностью. Я раньше не видел больших верблюжьих караванов; а здесь, сразу с нескольких сторон, двигались к городу караваны верблюдов, медленно и мерно покачивавших груз на своих горбах. Каждый караван возглавлял маленький ослик, на котором часто сидел погонщик. Все ведущие к шоссе дороги были забиты осликами, нагруженными фруктами, овощами, птицей и всевозможными предметами обихода, — и всё это тянулось на базар в огромном облаке пыли, тесно прижатое друг к другу.

Вдали сверкали снежные горы. Небо было местами алое, местами фиолетовое и зелёное, и ярко-синее над нами; веял прохладный ветерок от быстрой езды, — и я снова воскликнул:

— О, как прекрасна жизнь!

Восклицание это явилось полной неожиданностью для моих спутников, углублённых в разговор, и оба они удивлённо на меня посмотрели. Но увидев мою восхищённую физиономию, громко рассмеялись. Я тоже залился смехом.

Мы были уже недалеко от вокзала, и мой барин, лорд Бенедикт, сказал мне по-английски:

— Хороший слуга всегда серьёзен. Он никогда не вмешивается в разговор барина, ничем не выдаёт своего присутствия и только отвечает на задаваемые ему вопросы. Он вроде как глух и нем, пока барину не понадобятся его речь и услуги.

Тон его был совершенно серьёзен, но глаза смеялись. Я сдержал смех, поднёс руку к козырьку и ответил весьма серьёзно, тоже по-английски:

— Есть, ваша светлость!

— Мы подъезжаем к станции, — продолжал лорд. — Вот вам бумажник. Вы прежде нас сойдёте и отправитесь в кассу. Возьмёте два билета в международном вагоне. Мы же медленно выйдем прямо на перрон и там встретимся. Поезд подойдёт очень скоро. Если не будет мест в международном, возьмите в первом классе.

Я взял бумажник, выпрыгнул из коляски, как только она остановилась, и побежал в кассу. Купив билеты, я нашёл своего барина на перроне и доложил, что билеты в международный приобрёл. Он важно кивнул мне на носильщика, державшего два элегантных чемодана. Я не мог понять, каким образом чемоданы оказались при нас, и только потом сообразил, что, вероятно, они уже были привязаны к коляске, когда мы в неё садились.

«Вот новая забота мне», — подумал я. Я не знал, как поступить с бумажником и билетами, но так как показался поезд, я сунул бумажник во внутренний карман куртки.

— В международный, — бросил я небрежно носильщику, и он пошёл к самому концу платформы.

Как только поезд остановился, я подал проводнику билеты, и мы заняли наши места, оказавшиеся маленьким двухместным купе. Я разместил вещи и отпустил носильщика.

Проводник быстро подмёл и без того чистый пол и вытер пыль в нашем купе, должно быть судя по слуге о возможной щедрости барина. Я выскочил на платформу доложить, что всё готово.

Раздался второй звонок. Лорд Бенедикт и его спутник медленно пошли к вагону, и с третьим звонком милейший лорд лениво занёс ногу на ступеньку. Мне так и хотелось его подтолкнуть сзади, никак я не мог взять в толк его медлительность. Наконец он вошёл в вагон и что-то ещё сказал своему остающемуся другу. Тут раздался свисток паровоза, и я уже не стал ждать, пока мой барин соизволит пройти дальше, поклонился нашему любезному хозяину и юркнул в вагон трогавшегося поезда.

Только когда наш хозяин совсем исчез из виду, лорд повернулся и прошёл в купе. Проводник обратился к нему с вопросом, он сделал непонимающее лицо и поглядел на меня.

— Мой барин — англичанин, — сказал я очень вежливо проводнику, — и ни слова не понимает ни на одном языке, кроме своего английского. А я его переводчик.

Проводник ещё раз спросил, нужен ли нам чай. Я перевёл вопрос лорду, и проводник получил заказ на чай, бисквиты и две плитки шоколада. Кроме того, я дал ему крупную бумажку и попросил сходить в вагон-ресторан и купить нам лучшую дыню, яблок и груш. Уверившись, очевидно, в том, что от лорда можно ожидать чаевых, проводник обещал купить фрукты на следующей станции, которая славится ими.

Через несколько минут он подал нам чай с лимоном, бисквиты и шоколад, закрыл дверь, и мы остались одни. Несмотря на спущенные тёмные занавески на окнах и работавший у потолка вентилятор, жара и духота в вагоне стояли адские. Я снял кепи и благословил свою прохладную курточку. Ма-

терия была плотная, но оказалась лёгкой вроде китайского шёлка. Мой лорд снял пиджак, улёгся на диван, причём ноги его свешивались вниз, и сказал:

– Друг, я очень устал. Если ты чувствуешь себя в силах, — покарауль мой сон часа два-три. Если к тому времени не проснусь, разбуди меня обязательно. Теперь не удастся поспать, — потом, пожалуй, и не получится. А сил нам с тобой потребуется ещё много. Не огорчайся, что мы с тобой обо всём не переговорили. Как только я встану, мы перекусим и ляжешь спать ты. Раскрой маленький чемоданчик, в нём ты найдёшь кое-что, что забыл в доме Али и что тебе, заботливо осмотрев твоё платье, посылает молодой Али. Эти чемоданы привёз нам друг, у которого мы только что были.

С этими словами он повернулся к стене и сразу заснул. Я вышел посидеть с книгой в коридоре на скамейке напротив нашего купе, чтобы проводник не постучал в дверь и не нарушил сон Флорентийца.

Внезапно в коридоре появилось несколько фигур мужчин с довольно помятыми лицами, отчаянно ругавших жару. Все они приготовились выйти на платформу следующей станции покупать фрукты. Кое-кто взглянул на меня, но я уставился в книгу, которую Флорентиец положил на столик в нашем купе.

Это был английский роман из эпохи Средних веков, начало мне показалось скучноватым; но эпоху эту я знал хорошо и решил, что прочесть о ней в английском понимании, пожалуй, будет интересно.

Пассажиры надели кто кепи, кто панаму, кто английский шлем «здравствуй-прощай», как окрестили в России этот головной убор с двумя козырьками, а кто и просто с непокрытой головой вышел на площадку вагона. Поезд подошёл к перрону и остановился.

Я открыл окно и стал смотреть на толпу... Здесь было гораздо оживлённее, чем на виденных мною прежде станциях. Торговцы с большими корзинами фруктов сновали по перрону. Мелькали укутанные фигуры женщин, державшихся группками, но я никак не мог понять, зачем они здесь. Они не торговали, а как будто без толку переходили с места на место, ни словом не обмолвясь друг с другом. Важные сарты разных возрастов, стоявшие кучками, пялили глаза на едущую публику. Евреи в своеобразных кафтанах и чёрных шапочках, — шумные, нетерпеливые, составляли резкий контраст со степенными восточными фигурами.

Пассажиры вскоре возвратились в вагон с купленными на перроне фруктами. Мне казалось, что их покупки очень удачны. Но когда поезд тронулся, ко мне подошёл проводник и подал корзину фруктов. Он весело подмигнул в сторону жевавших яблоки пассажиров, а я, взглянув в свою корзину, понял, что такое настоящие восточные фрукты. Там лежали яблоки громадные, какие-то плоские, и другого сорта — прозрачные, продолговатые, в которых просвечивали насквозь все косточки; ещё были жёлтые, как янтарь, груши, две небольшие дыни, от которых исходил головокружительный аромат, и чудные белые и синие сливы.

— Вот это настоящие фрукты! — сказал мне проводник. — Надо знать, у кого купить и кому продать. У меня тут есть приятель. Каждый раз, когда я проезжаю, он мне приготавливает две такие корзины.

Я восхитился его приятелем, выращивающим такие фрукты, поблагодарил проводника за труды, щедро заплатив ему от имени барина, и угостил его одним яблоком. Он остался очень доволен всеми формами моей благодарности, облокотился о стенку и принялся есть своё яблоко. А я уплетал сочную, божественную грушу, боясь пролить хоть каплю её обильного сока. Проводник пригласил меня

в своё купе, но я сказал, что барин мой очень строг, что, по незнанию языков, он без меня не может обходиться ни минуты и что теперь я передам ему фрукты и мы с ним ляжем спать. На его вопрос о завтраке и обеде я ответил, что барин мой очень важный лорд и что лорды иначе чем по карточке отдельных заказов не обедают.

Я простился с проводником, ещё раз его поблагодарил и вошёл в своё купе. Я старался двигаться как можно тише, но вскоре обнаружил, что Флорентиец спит совершенно мёртвым сном; и если бы я даже приложил все старания к тому, чтобы его сейчас разбудить, то вряд ли преуспел бы в этом нелёгком деле.

Все мускулы тела его были совершенно расслаблены, как это бывает у отдыхающих животных, а дыхание было так тихо, что я его вовсе не слышал.

«Ну и ну, — подумал я. — Эта дурацкая ватная шапка да дервишский колпак, кажется, повредили мне слух. Я всегда так тонко слышал, а сейчас даже не улавливаю дыхания спящего человека!»

Я протёр уши носовым платком, наклонился к самому лицу Флорентийца и всё равно ничего не услышал. Огорчённый таким явным ухудшением слуха, я вздохнул и полез за маленьким чемоданом.

Глава 6

МЫ НЕ ДОЕЗЖАЕМ ДО К.

В вагоне было так темно, что я сделал маленькую шёлку, чуть приподняв шторку на окне, уселся возле столика и попробовал открыть чемоданчик. Ключа нигде не было видно, но, повертев во все стороны замки, я всё же его открыл, хотя и не без некоторого количества проклятий. Сверху лежали аккуратно завёрнутые коробочки с винными ягодами, сушёными прессованными абрикосами и финиками. Я вынул их и под несколькими листами белой бумаги нашёл письмо на моё имя; почерк письма был мне незнаком.

Я уже не боялся шелестеть бумагой, так как Флорентиец продолжал спать своим богатырским сном. Я разорвал конверт и прежде всего взглянул на подпись. Внизу было чётко написано: «Али Махмуд».

Письмо было недлинное, начиналось обычным восточным приветствием: «Брат». Али-молодой писал, что посылает забытые мною в студенческой куртке вещи, а также бельё и костюм, которые мне, вероятно, пригодятся и ко-

торые я найду в большом чемодане. Прося меня принять от души посылаемое в подарок, он прибавлял, что в чемодане я найду все необходимые письменные принадлежности и немного денег, лично ему принадлежащих, которыми он братски делится со мной. В другом же отделении сложены только женские вещи, деньги и письмо, которые он просит передать Наль при первом же моём свидании с нею, когда и где бы это свидание ни состоялось.

Далее он писал, что Али Мохаммед посылает мне тоже посылочку, которую я найду среди носовых платков. Али-молодой очень просил меня не смущаться финансовым вопросом, говоря, что вскоре увидимся и, возможно, обменяемся ролями. Я был очень тронут такой заботой и ласковым тоном письма. Подперев голову рукой, я стал думать об Али, его жизни и той трещине, которая образовалась сейчас в его сердце, полном любви к сестре. Фиолетово-синие глаза Али-молодого, его стройная фигура, такая худая и тонкая, что можно было принять её за девичью, лёгкая и плавная походка, — всё представилось мне необыкновенно ясно и было полно очарования. Я не сомневался, что он хорошо образован. А подле такой огненной фигуры, как Али-старший, мудрость которого светилась в каждом взгляде и слове, вряд ли мог жить и пользоваться его полным доверием неумный и неблагодарный человек.

Я подумал, что всю жизнь мальчик Али прожил в атмосфере борьбы и труда за дело освобождения своего народа. И, вероятно, в его представлении жизнь человека и была не чем иным, как трудом и борьбой, которые стояли на первом плане, а жизнь личная была жизнью номер два. Я не мог угадать, сколько же ему лет, но знал, что он гораздо старше

Наль. На вид он был так юн, что нельзя было ему дать больше 17 лет.

Я снова перечёл его письмо; но и на этот раз не понял, какие вещи мог отыскать Али в моём платье. Я заглянул снова в чемодан, хотел было поискать, где лежат носовые платки, но, приподняв случайно какое-то полотенце, вскрикнул от изумления: в полутьме вагона сверкнуло что-то, и я узнал дивного павлина на записной книжке брата.

Только теперь я вспомнил, как мы перебирали все вещи на туалетном столе брата и я сунул эту вещь в карман. Я вынул книжку и стал рассматривать ювелирную чудо-работу. Чем дольше я смотрел на неё, тем больше поражаюсь тонкому вкусу мастера. Распушенный хвост павлина благодаря игре камней казался живым, точно шевелился; голова, шея и туловище из белой эмали поражали пропорциональностью и гармонией форм. Птица жила!

«Как надо любить своё дело! И к тому же знать анатомию птицы, чтобы изобразить её такою», — подумал я. И какая-то горькая мысль, что мне уже двадцать лет, а я ещё ничего — ни в одной области — не знаю настолько, чтобы создать что-нибудь стоящее для украшения или облегчения жизни людей, пронеслась в моей голове. Я всё держал книжку перед собой, и мне захотелось узнать её историю. Была ли она куплена братом? Но я тотчас же отверг эту мысль, так как брат не мог бы купить себе столь ценную вещь. Был ли это подарок? Тогда кто преподнёс его брату?

Уносясь мыслями в жизнь брата, — такой короткий и сокровенный кусочек которой я вдруг узнал, — я связал фигуру павлина с тем украшением на чалме Али Мохаммеда, которое было на ней во время пира. То был тоже павлин, совершенно белый, из одних крупных бриллиантов. «Вероятно, павлин является эмблемой чего-либо», — соображал я. Жгучее любопытство разбирало меня. Я уже был готов